

ОЛГА ВЕШНЕВА

**ПОДАРОК
ДЛЯ МАЛЕНЬКОЙ ЛЕДИ**

Ольга Вешнева

Подарок для маленькой леди

«Автор»

2023

Вешнева О.

Подарок для маленькой леди / О. Вешнева — «Автор», 2023

Зимняя сказка порой бывает вовсе не простой волшебной историей. Аристократ и вдова военного – казалось бы, у них нет ничего общего. Но жизнь расставила все по своим местам. Кукла... Обычная детская игрушка связала две нити разорванных судеб. Спасение? Опасность? Или сжигающая страсть? Они и сами не могут найти ответы, но новогодний бал прошепчет их перезвоном колокольчиков.

© Вешнева О., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Дипломат	5
Глава 2. Беглец	8
Глава 3. Старый кукольник	12
Глава 4. Рождение Мастера	16
Глава 5. Разведка	19
Глава 6. Печальное известие	22
Глава 7. Осознание	25
Глава 8. Магическая искра	28
Глава 9. Мадам Клатинда	31
Глава 10. Мэр	34
Глава 11. Кукла Эми	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ольга Вешнева

Подарок для маленькой леди

Глава 1. Дипломат

Планета Нивеллери, королевство Анитрея, город-столица Грандис-Кантирель, год 6832 по местному летоисчислению.

Райден

Моя успешная и благополучная жизнь разрушилась в одночасье. Это случилось абсолютно неожиданно, а ведь ничто не предвещало беды. На те проклятые переговоры с властями соседней страны Шотнерии я отправлялся в прекраснейшем настроении. Даже не сомневался в их успешном исходе, который запишут на мой счет.

К тому же в случае дипломатической победы король обещал назначить меня главой министерства иностранных дел и пожаловать домик в уютном районе столицы. Тогда я стал бы самым молодым из тех, кто за всю историю нашего родного государства занимал эту высокую должность. Его величество Ангрент высоко ценил мой ум и талант, хвалил способность разруливать, казалось бы, неразрешимые противоречия и находить выход из самых тупиковых ситуаций.

Но в этот раз с начала встречи все пошло не по моему плану. Наши оппоненты вложили слишком много ресурсов в подготовку военной кампании и не собирались от нее отказываться ни под каким предлогом. Лишь делали вид для отвода глаз международного сообщества, что согласны пойти на мировое соглашение и принять навязанные общественным мнением итоги. Нагло врали... Будто хоть кто-то верил в то, что они готовы мирным путем уладить накопившиеся за десятилетия разногласия между нашими державами.

Весь этот раунд переговоров был сплошным спектаклем для дураков, за коих они считали не только нас, но и жителей своей страны, не желавших бросать семьи и работу, отправляться на поле боя, чтобы там головы сложить. Понимая, насколько велика опасность массовых протестов, их власти постарались представить ситуацию таким образом, чтобы виноватыми в глазах мировой общественности выглядели именно мы. Честно говорю, я приложил все усилия, чтобы хоть немного снизить градус напряжения этих дебатов.

Мне стоило немалых трудов обходить все их многочисленные ловушки, сотканые из хитроумно построенных фраз, которые могли трактоваться очень двояко, а некоторые и вовсе были прямой провокацией. И все же я попался в ловушку. Враг прознал о моей маленькой слабости и решил использовать самое действенное оружие.

Я едва не потерял дар речи, когда в переговорный зал неожиданно вошла принцесса чужого королевства. Ниневия была невероятно красива в облегающем темно-синем платье, подобранном точно в цвет ее прекрасных глаз. Мы тайно встречались, пользовались любой редкой возможностью остаться наедине. И я неимоверно гордился тем, что самая красивая женщина континента выбрала именно меня, отвергнув всех принцев и королей.

Если бы удалось заключить долгожданный мирный договор и я занял бы пост министра иностранных дел, то смог бы сделать своей любимой девушке официальное предложение выйти за меня замуж. Отец Ниневии не мог допустить нашего союза. Как бы мы ни старались с помощью верных слуг принцессы скрывать наши отношения, все же среди доверенных лиц затесался шпион, приставленный к ней родителями. Он или она... Кто-то сдал нас королю Шотнерии, а тот решил воспользоваться полученным знанием.

Принцессу просто превратили в инструмент, чтобы вывести меня из себя, заставить нервничать и тем самым вынудить совершить ошибки, которые они бы незамедлительно использо-

вали себе во благо. Их план сработал... По итогу все дипломатические контакты между двумя странами были разорваны и нам объявили войну. А все лишь из-за того, что я на короткое мгновение отвлекся, как и все присутствующие в комнате.

Вместо пристального наблюдения за врагами, я позволил себе пару мгновений рассматривать ладные изгибы своей любимой. А когда вернул свое внимание столу переговоров, не заподозрил неладное. И лишь спустя три дня стало известно, что из-за моей оплошности секретные документы были украдены прямо со стола и разглашены всему миру. Условия капитуляции, процент отступных, и самое главное, сколько мы готовы уступить земель. Это стало крахом...

Сказать, что наш король Ангрент был в ярости, значит ничего не сказать. Его величество готов был рвать и метать. У него разве что искры из глаз не летели, когда он смотрел на меня. И все из-за того, что я отвлекся на пленительные изгибы той, ради кого пытался достичь высот. Разве так бывает? Возможно ли поверить, что любовь не созидает, а обращает в прах?

– Ты предал свою страну, Райден Винкрас! Подорвал мое высочайшее доверие и растоптал надежды наших граждан, – отрывисто восклицал король, прохаживаясь перед троном и нервно теребя седую бороду. – И ради чего? Какой-то юбки, которую тебе подсунули? Ты хоть понимаешь, какой это позор? Дипломат, лично представляющий страну, не может удерживать мысли в голове при виде принцессы! К переговорам было приковано внимание всего мира. За ними следили в прямом эфире. Ты прекрасно знал, что от результата встречи зависит наше будущее, и так позорно все провалил. Какой дьявол дернул тебя летать в облаках во время столь важного мероприятия? Тебе что, баб мало? Ты решил показать свою преданность другой стране? Захотел бы, сходил в дом увеселения. Теперь весь мир знает, что мы готовы были продать часть своего народа фактически в рабство ради того, чтобы не принимать участия в военном конфликте. Где была твоя голова в этот момент?! О чем ты вообще думал?! О том, как бы выпросить себе принцессу в качестве подарка? Кретин! Придурок!

– Я не виноват в их нечестном использовании принцессы, – тихо сказал, смиренно потупив взгляд. – В тот момент повернулись все, потому я не считаю, что это только моя вина.

– Мало нам твоего отвратительного проигрыша на дипломатической арене, – ничуть не успокаивался король Ангрент. – Еще и твою связь с принцессой чужого государства, которая давно ни для кого не секрет, вполне можно расценивать как предательство родины. Ты променял интересы собственной страны на потакание прихотям дочери нашего давнего врага. Так легко пошел у нее на поводу и распустил сопли, позволив ее стране выкрасть доказательства того, что мы находимся на пороге гибели и вряд ли переживем войну!

– Позвольте с вами не согласиться, ваше величество, – я рискнул возразить багровеющему от гнева королю. – Уверяю, я все делал правильно. И дела шли к тому, чтобы наш законный брак с принцессой стал на долгие годы надежной гарантией мира между двумя королевствами. В том нет моей вины, что этот старый олух, отец Ниневии, ни во что не ставит даже счастье собственной дочери. Он помешался на войне. Приложил все усилия, наплевав на волеизъявление народа, чтобы только не допустить мирного договора с нами. Уверяю, ваше величество, любые переговоры с делегацией, присланной чокнутым тираном, не имели шанса на успех. Наша попытка мирного урегулирования была заведомо обречена на провал.

– Вы только посмотрите на него, – король взмахнул руками, глядя на стоящих позади меня стражей в пыльного цвета униформе, высоких сапогах и бронежилетах. – Он действительно думает, что начало войны так легко ему простится! А ведь еще вчера я верил в тебя, Райден. Считал тебя умным и дальновидным, радовался твоим успехам. Думал, ты с годами станешь таким же знаменитым и выдающимся политиком, каким был твой ныне покойный отец. Но ты предал меня, своего государя, родную страну и даже самого себя. Твоя порочная связь с принцессой вражеского королевства по закону приравнивается к государственной измене. За это и за срыв дипломатических переговоров ты приговариваешься к публичной казни путем

повешения. Кто-то может сказать, что куда более справедливым решением было бы отправить тебя на фронт, прямо на передовую. Но один бог знает, что ты можешь там натворить, на войне. Вдруг переметнешься на сторону врага... Или совершишь подвиг и прославишься как герой. Получишь шанс искупить вину собственной кровью. Нет! Не бывать такому! Ты – изменник родины. Потому будешь предан всеобщему осуждению и умрешь с позором под гиканье возмущенной толпы. Уведите его!

Король махнул рукой стражникам. Двое из них надели на меня наручники, сковав руки за спиной, пригнули мне голову и вывели из дворца. К парадному крыльцу был подогнан большой бронированный мобиль, черный в серую полоску, предназначенный для перевозки арестантов. Меня запихнули в кузов с маленьким зарешеченным окном и повезли в городскую тюрьму.

Доставив в мрачное серое здание с сотнями зарешеченных крошечных окошек, меня переодели в грязную полосатую робу. Она была пропитана зельями, подавляющими любую магическую активность, и потому отвратительно воняла. Один из тюремщиков не постеснялся стащить с моего пальца и присвоить древний родовой перстень-артефакт. А он мне был жизненно необходим, я не представлял, как без него продержусь все время до суда.

Все же я надеялся на то, что король одумается, разберется в ситуации и помилует меня. Никто не сказал мне, когда состоится суд, и это укрепляло мои мечты о скором освобождении. Но я понимал, что в отличие от остальных узников, сидящих по своим клеткам, пребывание в тюрьме для меня станет не просто нелегким, а опасным для жизни испытанием.

Все дело в одной необычной особенности моего организма, о которой я не распространялся на публике, ради собственного выживания хранил ее в строжайшей тайне. Если верить древним легендам, я был одним из потомков загадочных существ, которые приходили из другого мира и охотились на людей, высасывая из них жизненную силу. Я не мог выжить без регулярной подпитки чужой энергией. Волшебный перстень, доставшийся в наследство от прадеда, приглушал этот нечеловеческий голод, помогая лучше контролировать себя. А еще он улавливал частички энергии из окружающего меня пространства, позволяя мне получать хотя бы небольшой заряд без соприкосновения с людьми.

Камеры смертников были узкие, сырые и холодные. Рассчитанные строго на одного заключенного, чтобы психопаты-убийцы и всякие разбойники, которым здесь полагалось некоторое время проживать, а вовсе не таким, как я, законопослушным аристократам, не прибили друг друга еще задолго до казни. Там не было положенных по уставу арестантам железных нар, постелью служил проеденный крысами грязный матрас. Но эти самые крысы, водившиеся в великом множестве, помогали мне выживать, а глупые надзиратели считали, что тедохнут от ядовитых приманок. Энергии с серых зверьков набиралось ничтожно мало, но все же лучше, чем совсем ничего. И такая подпитка позволяла мне скрывать свою истинную природу. Ведь если бы тюремщики поняли, кто я такой, меня бы казнили на месте. Не дожидаясь суда, отрубили бы голову. Много веков назад нас приговорили к полному истреблению. Международный закон гласил, что таким опасным чудовищам, как я, не место в этом мире.

Два раза в день, даже не три, не говоря уже о традиционных полдниках, маленьких перекусах и вечерних чаепитиях, мне приносили в ржавой миске то, что можно было назвать пойлом для скота, и к этим залитым вонючей жижей помоям прилагался кусок плесневого хлеба. Чаще всего я отказывался от такой, с позволения сказать, еды. Желудок скручивало от одного только ее вида и запаха. На ночь я сворачивался клубочком на выбранном более-менее чистом участке матраса и погружался в беспокойный, полный тревоги сон.

Глава 2. Беглец

Райден

Больше двух недель я провел за решеткой. Дождаться назначенной самим королем даты казни мне было не суждено. Враг начал бомбить нашу столицу. Рано утром я проснулся от оглушительного грохота. Тюремную стену снесло, часть камер была разрушена, узников там погребло под обломками потолка и грудами кирпича.

Не теряя ни секунды, я воспользовался открывшимся путем к свободе и оказался на городской улице, заполненной мечущимися в панике людьми. Пронзительно выла сирена воздушной тревоги. Взглянув на небо, я увидел самолеты и дирижабли, округлые бока которых сияли серебристым блеском легкой, но очень прочной стали. Но в следующий же миг вниз полетели снаряды, и перепуганная толпа пришла в еще более быстрое и хаотичное движение.

Меня чуть не сбили с ног, я успел увернуться, снял тюремную робу и постарался влиться в людской поток. Не я один из мужчин бежал в трусах, видел и женщин в ночных сорочках. В столь раннее время многие люди еще спали, и как только началась бомбежка, выскочили из своих домов в чем были. Седой старик впереди меня бежал весь в мыльной пене, обернувшись полотенцем. На поворотах он скользил, его заносило и он чуть не падал. Молодая женщина в ужасе озиралась на бегу, прижимая к груди младенца.

Мы выбежали на набережную, и я понял, куда так целенаправленно спешит перепуганный народ – к железнодорожному вокзалу. Повсюду гремели взрывы. Я видел, как упал фонарный столб, а украшавшей мост каменной горгулье оторвало голову. Рухнуло величественное здание театра, сложившись будто карточный домик. Вода в реке при попадании снарядов бурлила, как в адском котле, и выплескивалась темными от пороха фонтанами. Я споткнулся, не заметив лежащего посреди дороги человека. Упал прямо на него, запачкав правую ладонь в луже крови, вытекшей из его головы.

Приподнявшись, я осмотрел этого молодого джентльмена в дорогом костюме, размотал шарф у него на шее, попытался нащупать пульс и понял, что мужчина мертв. Действуя механически, почти не раздумывая, я оттащил мертвеца за уцелевшую пока гранитную горгулью. Забрал его одежду и ботинки, благо мы с ним были практически одинаковой комплекции, и кожаный портфель с документами. Пробежав глазами по гербовым бумагам, я узнал, что погибший мой тезка.

Прямо-таки знак свыше. В картонной папке под билетом на поезд лежали справки о врожденном пороке ноги, непригодности для военной службы. Мне они тоже могли пригодиться в случае проверки проводником. Потому я взял с собой трость погибшего, чтобы притворяться хромым. Всех здоровых мужчин в возрасте от восемнадцати до шестидесяти лет забирали на фронт. Об этом я слышал от тюремных надзирателей, которые радовались тому, что городские служивые остаются при своем исполнении, а не едут на войну.

Приметные длинные волосы медно-рыжего цвета я собрал под резинку в кривое подобие пучка и спрятал под оброненной кем-то фетровой шляпой-цилиндром. Больше нельзя было терять время. Совсем близко разорвалась бомба, и раздались истошные предсмертные крики несчастных, которые не успели спастись бегством.

На вокзале было не протолкнуться. Рупор вещал о том, что прибыло несколько поездов для эвакуации горожан, призывал прекратить панику и не доводить до смертельной давки. Меня зажали в клещи здоровенные наглые теткли необъятных габаритов. Казалось, ребра вот-вот треснут под их напором. Трость пока выручала, она была достаточно прочной, чтобы выдержать колоссальное давление, а ее стальной наконечник подходил для оборонительных болезненных тычков. Зато столь тесные соприкосновения с людьми позволили мне подпи-

таться их энергией. Сил на дальнейший напор у них поубавилось, а я почувствовал себя намного лучше.

Я не знал, объявлен ли уже в розыск как сбежавший заключенный, не распространены ли на меня ориентировки. Жалел о том, что не владею магией иллюзий, не могу хоть на минуту изменить фотографию в чужом паспорте. Если кто и мог получиться из меня по волшебной специальности, наверное, только артефактор по части механики. И то при условии обучения на профильном факультете. Отец же, без споров и обсуждений, строгим наказом отправил меня сразу по окончании школы в университет государственного управления и международных отношений.

Об академии магии мне даже мечтать не пришлось, отчасти еще и из-за угрозы разоблачения. С детства я знал, что придется пойти по стопам отца. Этого хотела вся моя семья, и сам король надеялся увидеть достойного преемника одного из лучших своих министров... С годами я научился влиять на людей, подчинять их своей воле, хотя, к сожалению, далеко не на всех действовало мое внушение. А еще я умел стирать последние воспоминания жертвы, от которой питался, но полноценного чтения чужих мыслей у меня никогда не получалось.

И вот я подвел весь славный род эрцгерцогов Винкрасов, сам того не желая. Но когда на кону стоит собственная жизнь, не время вспоминать о совершенных ошибках и горевать об упущенных возможностях.

К счастью, дежурившие у каждого вагона полицейские не всматривались в документы. У них была другая задача: щелкая электрическими дубинками сортировать людей, отсекая тех, кто уже не мог втиснуться, но все равно ломился в переполненный поезд. Наглые тетки удобно внесли меня в вагон. Устроившись в уголке, я прижал к себе портфель, который едва не вырвало из моей руки людским потоком.

Поезд тронулся и начал стремительно набирать скорость. Все быстрее пролетали мимо дома, башни, деревья и фонарные столбы. Мерный перестук колес перерос в оглушительный грохот. Паровоз кряхтел и фыркал, вагоны трясло. Слышался детский плач и брань кочегара. Тот ругался самыми скверными словами, не стесняясь женщин и детей, проклиная так не вовремя приказавший долго жить нагревающий магический элемент, который поддерживал нужную температуру в котле.

Мы уже выехали из города и мчались через казавшееся бескрайним поле. Выглянув в окно, я увидел, как падает и взрывается сбитый вражеский аэроплан. Нашим летчикам, противостоящим авиации противника, пока что удавалось расчищать небо над эвакуационным караваном поездов, защищая железную дорогу от разрушения. Но никто не знал, что будет дальше, в следующий миг. Люди едва могли дышать от страха. В какой-то момент паровоз резко подпрыгнул, видимо, наткнувшись на повреждение шпал осколками снаряда. Мастерство машиниста спасло всех нас. Он сумел удержать поезд, не позволив ему сойти с рельсов и улететь под откос.

– Мне нужен помощник! – громким басом прорычал вошедший в вагон толстый кочегар. – Есть тут кто покрепче и посильнее?

Утерев рукой в грязной рабочей перчатке льющийся в глаза пот со лба, он окинул прищуренным взглядом видимую часть длинного вагона, а потом без особого предупреждения схватил меня за руку. Той самой черной от сажи перчаткой вцепился в дорожную ткань костюма. Я подумал, странно, что это меня не особо возмутило. Еще несколько дней назад я бы в такой ситуации закатил скандал и потребовал компенсации ущерба, угрожая судом. А тут смиренно последовал за кочегаром и, натянув жесткие рукавицы, взялся за лопату для угля. Пока толстяк следил за давлением пара, стараясь его отрегулировать, я выполнял основную его работу – подбрасывал уголь в топку. Глаза щипало от пота и едкой пыли, я почти ничего не видел. Казалось, я нахожусь в самом настоящем аду и эта пытка жаром и копотью никогда не закончится. Непривычные к долгому тяжелому труду руки уже были готовы отсохнуть, когда коче-

гар подбадривающе потрепал меня по плечу, поблагодарил за помощь и сказал, что дальше справится сам.

Поезд покинул опасные пределы. Так далеко враг пока не смог пробраться. Прочная трость мне пригодилась теперь не для притворства. Опираясь на нее, я кое-как приковывался обратно в вагон. На кого я был похож, весь с головы до ног перепачканный в саже, и думать не хотелось. О том, чтобы найти более-менее сносное место для отдыха не приходилось даже мечтать. Все лавки были заняты женщинами с детьми и совсем дряхлыми стариками. В уже теперь бывшем моем углу примостилась, ссутулившись, сухонькая старушка с большим чемоданом.

Недолго я продержался, прислонившись к дверце перехода внутрь паровоза. Только набил синяков на лопатки. Пришлось сесть на пол между чьими-то мягкими тюками. Когда за пыльными окошками стемнело, я уснул в обнимку с одним из этих тюков. Устроив на нем голову, провалился в забытье, сдавшись в плен одурманивающей разум усталости, застилающей все вокруг вязким непроглядным туманом. Повезло еще, что хозяйка багажа из жалости не стала меня прогонять пинками. А то ведь могла, будучи в своем праве заботы о сохранности имущества...

В пути я провел двое суток. За все это время питьем мне служила техническая вода, которую раздавал кочегар меньше чем по полстакану на взрослого человека, а еще старушка в углу поделилась пирожками. Чистую воду отдавали детям. Скудной едой делились, но мало у кого нашлись съедобные припасы. Единицы из сумевших добраться до вокзала во время бомбардировки собирались куда-то ехать и имели с собой еду и чай в термосах. Вагон-ресторан в эвакуационном составе был не предусмотрен. Им пожертвовали, чтобы прицепить более вместительный обычный пассажирский.

Чужой жизненной силы при таком скоплении людей мне хватало для полного насыщения. Никто из пассажиров поезда не мог помыслить о том, что его или ее слабость и недомогание возникли не из-за естественной усталости в пути. Так что, пусть без привычного комфорта, я все же добрался живым до провинциального городка Белиствиля на краю страны. Там была конечная станция.

Следуя указаниям в розданных на станции листовках, те, у кого имелись с собой деньги, поспешили в гостиницу, а все остальные отправились в ночлежки для беженцев. Портфель моего покойного тезки успел кто-то обчистить, кошелек или спрятанных по кармашкам купюр я не нашел. Последовать за другими людьми в ночлежку считал слишком рискованным предприятием. Издали посмотрев на выстроившуюся перед обшарпанным бараком очередь, я обратил внимание на полицейских, которые проверяли документы и обыскивали вновь прибывших беженцев, с особым вниманием они относились к молодым мужчинам, подозревая в каждом дезертира. Полным безрассудством для меня было бы соваться туда.

Пошел дождь, быстро превратившийся в ливень. Весь продрогший до костей, я медленно шел по городскому проспекту, поглядывая на каждую дверь. Но на всех магазинах и других заведениях в столь позднее время висели таблички "Закрето". Нигде даже свет не горел. В подъезды домов я не рисковал заглядывать. Видел одного крепкого, хоть и пожилого консьержа, тот стоял в дверях под козырьком и дырил трубкой, посматривая коршуном на залитую дождем улицу, по которой изредка проезжали конные экипажи, а еще реже паровые трамваи или мобили.

Я не спешил знакомиться с подобным ему стражем общественного домовладения, но в то же время понимал, что не смогу выжить на улице. Да что там говорить, я вряд ли продержусь так пару дней, если дожди не прекратятся. Уличные бродяжки, и те имеют хоть какую-то крышу над головой в виде чердака, подвала или заброшенного здания. Они частенько держатся близ котельных, где можно согреться в холода и посушить одежду. А мне вовсе некуда приткнуться. Никто меня здесь не ждет, разве что в городском полицейском управлении будут рады известию о поимке беглого заключенного.

Замшевые ботинки насквозь промокли, в них противно хлопала вода при каждом шаге. Как же я мечтал о галошах или резиновых сапогах! Оценил в кои-то веки преимущества простонародной обуви, которой раньше брезговал, считая неподходящей по статусу. Желудок завывал голодным волком. Голова начала болеть. Наверное, мне следовало утешаться тем, что ливень смыл грязь и сажу с моего лица. Хотя это весьма сомнительное утешение.

В столице я жил в просторной квартире одного из тех домов, где селятся самые состоятельные граждане. Фасады там сродни произведениям искусства, из широких окон открывается вид на королевский дворец. Шеф-повар, отмеченный международными кулинарными наградами, приходил готовить для меня завтраки, обеды, ужины, а на любимые полднишки с перекусами я привык ходить в лучший столичный ресторан. Мне прислуживали горничная и лакей-водитель, прилагавшийся к служебному министерскому мобиллю класса люкс. В зарубежных поездках меня сопровождали шкафоподобные телохранители. Даже подпитываться энергией я предпочитал от дам и господ благородных кровей, брезговал простолюдинами.

И что теперь со мной происходит? Сколько бы ни думал о превратностях судьбы, шлепя по лужам на мостовой, но до конца не мог осознать, как же так получилось, что неожиданно-негаданно я оказался в роли нищего скитальца, не имеющего ни монетки в кармане, ни крыши над головой, ни кусочка съестного в урчащем желудке. Да еще по-осеннему свирепый ливень никак не заканчивался. У меня уже зуб на зуб не попадал от холода.

Глава 3. Старый кукольник

Райден

Заметив тусклый свет за необычной входной дверью: деревянной с витражным стеклом и фигурной кованой решеткой, я остановился напротив нее. Не смог разглядеть вывеску от заливавшей глаза воды, но решился попытать счастья. Не было больше сил оставаться под проливным дождем. Дернул за ручку, и дверь открылась с легким скрипом. Зазвенела мелодичными переливами музыка ветра, висящая прямо над уличной дверью.

Я вошел в уютное теплое помещение, и понял, что это лавка кукольника. При моем появлении, словно повинуюсь мелодии хрустальной музыки ветра, часть кукол на витринах ожила. Заговорили “мама” пухлые пупсы, закрутилась в изящном па длинноногая балерина, поднял гантели силач в полосатом трико, запели и замахали крыльями железные пташки, распустил нарядный хвост позолоченный павлин. Два деревянных солдатика в красно-желтой форме при-вратников королевского дворца подняли руки, отдавая честь. У каждого из них в груди зиял циферблат часов.

– Добрый вечер, молодой человек, – раздался тихий голос с хрипотцой. Завороженный необычным представлением, я не заметил, как подошел худощавый старичок маленького роста. – Я мастер Гессир. Чем могу быть полезен?

У хозяина лавки были запоминающиеся длинные усы – закрученные вверх, как у циркового конферансье, и маленькая квадратная бородка. Волос на голове осталась немного: забавный темный чубчик торчал у лба и на висках топорщилась седая поросль.

– Добрый вечер, мастер, – я почтительно кивнул, прикоснувшись к потрепанной, испачканной в саже и помятой с левого бока шляпе. – Погода просто кошмарная. Словно не начало лета, а глубокая осень на дворе.

Я запнулся, понимая, что не стоит говорить ерунду. Но мне было ужасно неудобно просить монетку, кусочек хлеба, или чего там выклянчивают уличные побирушки? Я даже не запомнил, что и как они просили. В голову никогда не приходило им подавать. Это же ниже моего достоинства. Напрягая мозги в гудящей голове, я вспомнил, как лакей отгонял стайки нищих от мобиля, грозя резиновой дубинкой. Что они там причитали жалобными голосами? Кажется, подайте ради бога, пожалейте больных и голодных? Это что же получается? Мне теперь придется повторять их слова вслух, прилюдно? Какой позор!

– Вы ведь не за покупками сюда пришли во втором часу ночи, верно говорю? – подстрекательно усмехнулся старик. – И вряд ли затем, чтобы поболтать о пасмурной погоде с кукольных дел мастером.

– Да, вы правы, – я стыдливо опустил взгляд, рассматривая почерневшие мыски мокрых замшевых ботинок. – Я приехал из столицы на поезде. Успел попасть в волну эвакуации жителей. Там сейчас происходит страшное. Враг все ближе. Авиационные бомбардировки, обстрелы. Город превращается в руины, люди гибнут. Извините, нечем заплатить вам за ночлег.

– Не беспокойся, на холод и под проливной дождь не выгоню, – перейдя на “ты”, старый кукольник приветливо махнул рукой и засеменял куда-то за центральную витрину. – Иди сюда. Спускайся в мою темную и тесную нору.

Мастер нажал кнопку на стене, и в полу открылся люк, распрямилась узкая, но достаточно удобная для спуска металлическая лестница. Вслед за ним я прошел на цокольный этаж, освещенный маленькими и тусклыми газовыми лампочками.

– Ступай направо, – указал кукольник. – Там у меня пристроен самодельный душ над ванной. А я пока разогрею оставшийся с ужина суп... Ставлю кастрюлю на плиту и иду искать для тебя чистую одежду.

Это была настоящая пытка, а не попытка смыть с себя пот и грязь. Газовый водонагреватель почти не работал, выдавая то ледяную струю, то кипяток. Напор воды прыгал, как цирковой наездник, выполняющий разные трюки верхом на скачущем по арене коне. В маленькой чугунной ванне с черными выбоинами и облупившейся по краям эмалью, которую литейщики сделали, наверное, лет сто назад, было противно стоять босыми ногами.

Наспех ополоснув голову, пока в ней плешь кипятком не прожглась, я выскочил из ванны на потрескавшийся кафель пола. Брезгливо морщась, все-таки решился снять с железного крючка выцветшее полотенце, вытерся им и, обернув его вокруг бедер, вышел из-за шторки посмотреть, что мне принес хозяин кукольной лавки и этой каморки.

Одежда действительно была чистой, вот только с учетом разницы в росте белая широкая рубашка едва прикрывала живот, а серые домашние штаны доходили чуть ниже колен. Из тряпичных тапочек-шлепанцев у меня свисали пятки, скребя по полу при каждом шаге. Но снова обувать мокрые ботинки я не собирался. Тем более, в каморке оказалось достаточно тепло. В кухонном уголке был постелен коврик, и мои пятки почувствовали себя вполне комфортно, когда я сел напротив хозяина за крепко сбитый маленький стол. Фанерный стул подо мной очень подозрительно затрещал, и потому я решил не ерзать лишний раз.

Я был настолько голоден, что меня буквально опьянил запах народного супа из разряда “просто, дешево, относительно вкусно”. Стараясь как можно реже заглядывать в тарелку, я почти моментально управился со странным варевом, которое было приготовлено из залежалых прошлогодних овощей с темными прожилками – не иначе как предвестников гниения, и сдобрено кусочками жесткого, почти неразгрызаемого мяса неопознанной престарелой скотины. Даже попросил добавки и выскреб железной ложкой пригоревшие пенки со дна кастрюли. Налив мне горячего чая в большую фарфоровую кружку с потертым рисунком, мастер Гессир в очередной раз лукаво улыбнулся и сказал тихо, непринужденно:

– А знаешь, подозрительный мой гость... Мне ведь ничего не стоило подмешать тебе в суп снотворного зелья мгновенного действия. Есть у меня это хитрое снадобье в аптечке. Осталось после похорон жены. Бедняжка мучилась от болей в последние дни, без него не могла забыться сном хоть на часок-другой. Так вот, значит, к чему я разговор веду. Проще простого для меня было бы усыпить тебя и вызвать полицию. Для беженца ты слишком уж молодой и здоровый. Холеный, я бы так сказал. Косу как девица отрастил, смотреть стыдно. В руках, как видно, тяжелее писчей ручки да трубки фонографа ничего держать не привык. Ишь, какие пальцы, светлые да чистенькие.

– Не всем грязнулями быть и у станков стоять, мозоли набивать. Чего плохого в том, что я привык следить за собой?

– А вот подумалось мне, уж больно ты похож на дезертира, – кукольник легонько стукнул по краю опустевшей кастрюли. – Я таких не люблю, даже пуще того скажу, не выношу на дух всяких жалких трусов. Будь на то моя воля, сам пошел бы защищать родную землю. Пусть давно разменял восьмой десяток, а поверь, винтовку еще способен удержать в руках. И зрение у меня натренированное многолетней работой с мелкими деталями будет получше, чем у иного юнца. Я уж на полном серьезе хотел пойти добровольцем, а меня военные обратно завернули. Сказали: “Сиди дома, дедуля, кислые щи хлебай. С шестидесяти лет не берем, а тебе почти девяносто. Куда собрался? Какая тебе война?” Так и пришлось мне возвратиться к своим друзьям и подопечным.

Мастер Гессир кивнул на потолок, давая понять, что говорит о куклах и других игрушках, расставленных по витринам в торговом зале.

– Так я правильно подметил? – хитро прищурился он, снова посмотрев на меня. – А, молодой человек? Ты от войны позорно сбежал? Испугался?

– У меня все намного сложнее, – я решил признаться старику, не видел смысла дальше скрывать правду. – Если бы даже изъявил желание пойти на фронт, меня бы свои убили раньше, чем я мог встретиться с врагом на поле боя.

– Значит, в розыске, – старик раскрыл глаза пошире, присматриваясь ко мне. – А на отпетого злодея не похож.

– Я вовсе не злодей, просто попал в передрагу, которой нет логического объяснения.

– Для меня всего важнее, что мои верные часовые тебя любезно приняли. Во многом я их послушался, не стал звонить в полицию. Когда в мою лавку приходит плохой человек, то часовые сразу подают сигнал. Звенят у них будильники. А тебе, ишь, сразу честь отдали, – я понял, что мастер говорит о деревянных солдатиках с циферблатами на груди. – Я даже в толк не возьму, чем ты им так приглянулся. Уж начал подумывать, что часовые дали мне важный знак. Указали на долгожданного преемника.

– Преемника? – я чуть не подавился чаем.

– Да, ты все правильно услышал, – усмехнулся старик, накрутив длинный ус на палец. – Хочешь получить надежное убежище, еду и даже небольшой доход, стань моим учеником. Это единственное условие, которое тебе позволит здесь остаться. Я не провидец, не могу знать, что у тебя на уме. Но часовые меня еще ни разу не подводили. Потому я склонен им доверять.

– Я вас понимаю, но...

– Слушай и помалкивай, – шикнул на меня мастер Гессир. – Старших перебивать невежливо. Видишь ли, мой странный гость, любое ремесло не может жить без мастера. Некому станет передавать свои знания и умения – и ремесло умрет, потонет в пучине лет. Я много лет пытался в родном городе найти ученика или ученицу, но все без толку. Парни отмахивались, мол, не мужская это работа, не солидная: куклы мастерить. Другое дело – в инженеры пойти по части авиации или кораблестроения. И девицы смеялись, дескать, чем с заготовками для игрушек возиться, мы лучше пойдем работать на ткацкую фабрику, там платят хорошо и много выходных: работа сменами два через два дня. Представь себе, я даже объявления давал в самую известную газету, которая по всей стране распространяется, что ищу способного ученика. Впустую! Ни одного не дождался отклика. Совсем загоревал, что не на кого мне оставить свое наследство. Не все куклы можно продать. Многие тут, считай, живые. Никуда из лавки уходить не хотят, ни с кем из людей не сладят. А тут в ночи являешься ты, как привидение. И часовые, ишь как, сразу отдают салют. Вот и появилась у меня надежда на благополучное решение давней проблемы. А теперь, молодой человек, не знаю, как тебя звать-величать, подошла твоя очередь рассказывать о своих талантах. Видел я, с каким интересом ты смотрел на моих подопечных. Почти как знаток ремесла. Аж глазенки загорелись. Говори же смелей, я внимательно слушаю.

– Да, мастер Гессир, я немного понимаю принцип вашей работы. В детстве ходил в школьный кружок под названием “Рукотворные чудеса”. Мы там делали разные игрушки, собирали летающие модели паропланов и дирижаблей. Всего раз в жизни я сделал куклы для своих племянниц. Вы только представьте, моя старшая сестра родила тройню, и все девчонки. На их шестой день рождения я смастерил каждой племяншке по кукле, и они получились немного волшебные. Первая защищала свою маленькую хозяйку от ночных кошмаров, вторая придавала уверенности в себе, помогала преодолеть страхи и застенчивость, а третья умела говорить. Нет, она не просто механически повторяла слова, а беседовала с девочкой вполне осмысленно. Лучше врача – логопеда помогла ей научиться выговаривать некоторые буквы, которые долго не давались.

– Значит, ты один из тех, кто способен оживить неодушевленный предмет, – серые глаза старика радостно блеснули. – Можешь передать игрушке частичку своей души и сделать ее волшебной.

– Не уверен, что у меня сейчас это получится, – я покачал головой, грея озябшие руки о теплую чашку. – Прошло много лет. Я не учился на артефактора, даже мудреных книг не читал по магической механике.

– Но талант в тебе живет по сей день. Магическая искорка теплится, – мастер Гессир указал на меня пальцем и встал из-за стола. – Так что, дружок, хочешь или нет, а если дорога тебе жизнь, то согласишься стать моим учеником.

– Пожалуй, мне придется согласиться, – вздохнул я, уныло глядя на отражение кончика носа в недопитом чае. – Выбора все равно у меня нет.

– Как тебя звать-то? – старый кукольник оглянулся, приоткрыв дверцу углового кухонного шкафчика.

– Райден, – ответил я.

– Ну что же, мой молодой ученик Райден... – мастер Гессир поставил передо мной на стол половину большого яблочного пирога. – Я надеюсь, у нас еще будет достаточно времени поболтать о том, что с тобой приключилось, каким попутным ветром занесло тебя в наш дальний тихий уголок из шумного большого города. А на сегодня, думается мне, хватит с тебя вопросов и допросов с пристрастием. Вижу, как ты устал. Вот еще пирогом с тобой поделюсь. Кушай на здоровье, считай, заслужил десерт своим согласием на обучение. Мадам Клатинда подрабатывает в маленькой пекарне. Она меня частенько угощает разными вкусностями в благодарность за волшебные игрушки для семерых ее внучат. Ты с ней скоро познакомишься, она тут частая гостя. И тебя своими фирменными пирогами не обделит.

Мастер Гессир подождал, пока я попробую кусок пирога и допью чай, после чего проводил меня в отгороженное пестрой занавеской крошечное подобие гостиной, где главной и единственной достопримечательностью был потрепанный годами раскладной диван.

– Здесь ты хоть ноги сможешь вытянуть для удобства. Я бы уступил свою кровать, но ты там вряд ли поместишься, – кукольник на минуту отошел куда-то и вернулся со свернутым пледом. – Держи для утепления... Желаю приятных сновидений.

Он дернул за свисающий с потолка шнурок, и свет погас. Мастер Гессир привычно потопал в темноте к своей спальне. Я на ощупь разложил диван, найдя нужные рычажки. Собрал в намеченное изголовье две тонкие декоративные подушки, снял тапочки, лег на непривычно жесткое и какое-то малость кривое ложе, укрылся пледом и постарался настроиться на сон. Это была непростая задача.

Да, меня не могло не утешать то, что я жив, мне даже повезло наесться досыта и найти теплое сухое место для ночлега. Подо мной, не считая шевеления диванных пружин, была надежная неподвижная твердь, а не стучащие по рельсам колеса поезда. Уличному бродяге и этого достаточно для счастья. Но я привык к совершенно другим условиям жизни. Несравнимо более комфортным и приятным по испытываемым ощущениям.

О, если б можно было повернуть время вспять... Я бы в столь поздний час оказался не в каморке престарелого кукольника, а в лучшем столичном кабаре. Шальные полуголые красотки в перьях и кружевах скакали бы на сцене прямо передо мной, закидывая длинные ноги выше головы... Это было бы прелестно. Сомкнув слипающиеся от усталости веки, я понадеялся, что те милые танцовщицы мне приснятся и в объятиях самой очаровательной из них я проведу незабываемую ночь...

Но, как назло, во сне мне явился черный паровоз, грохочущий и извергающий дым. Он мчался за мной, сойдя с рельсов и отцепив вагоны, а машинист и кочегар, высунувшись из окошек, грозили кулаками и кричали, что меня надо повесить за измену родине. Обвиняли в том, что из-за моей легкомысленности началась война. Мучимый кошмаром, я заворочался на старом диване и проснулся от скрипа пружин.

Глава 4. Рождение Мастера

Райден

День за днем для меня проходили, как в бредовом кошмаре. Изю всех сил разума я пытался осознать неизбежность привыкания к своей новой роли, но все фибры души усердно сопротивлялись любым доводам и убеждениям. Я не мог смириться с удручающей ситуацией, грозившей затянуться на годы, если не на всю оставшуюся жизнь. Не мог принять свое теперь, прямо сказать, ничтожное положение в обществе.

От прискорбных раздумий отвлекали простые и понятные уроки, которые мне преподавал мастер Гессир. Подумать только, я учился делать игрушки. Сначала самые простые, для малышей, не начиненные сложной магической составляющей. Заодно старался маскировать само присутствие магии. Изделия не должны были фонить так явно, чтобы привлечь внимание специалиста из надзорной службы. Все наши с мастером “живые” творения были в своем роде подпольными. Мы не имели полагающихся для официальной деятельности такого рода дипломов артефактора и соответствующих лицензий.

В доставшемся мне портфеле покойного тезки я нашел его дневник, довольно толстую тетрадь, исписанную до предпоследней страницы. Читая его в свободные минуты, я все больше узнавал о жизни этого человека, случайно подарившего собственной гибелью мне шанс на спасение. Тот Райден с рождения был обречен на жалкое несчастное существование. В отличие от меня, с которого в ранние годы сдували пылинки гувернеры и няньки, этот бедолага вырос в приюте для неизлечимо больных детей.

В строчках дневника не раз он проклинал своих родителей – забулдыг, за то что зачали его в пьяном бреду, наградив целым букетом хворей, а потом еще и отказались от младенца. Обо всем этом он узнал от заведующей приюта, пожилой женщины, которая, как могла, заботилась о нем. Сверстники и старшие дети дразнили его, издевались над ним. У него не было друзей. Благодаря ходатайству заведующей и своему незаурядному уму тот Райден стал участником государственного конкурса юных талантов, сумел его выиграть и получить грант на оплату обучения в университете. После учебы парень устроился работать в Бюро экономического прогнозирования и там впервые за свою унылую жизнь влюбился.

Правда, безответно, еще и как назло, в дочь директора бюро, а не в простую служащую. Красавица, по которой он сходил с ума, лишь едко посмеивалась над его робкими попытками ухаживать за ней. После долгих бессонных терзаний он наконец решился прочитать возлюбленной посвященные ей стихи собственного сочинения. Но вместо хоть малейшего теплого отклика вздорная девица обозвала его хромым уродом и сказала, чтобы он больше даже смотреть в ее сторону не смел. Ослепленный любовью наивный бедняга не внял предупреждению. Вслед за стихами посвятил ей целую поэму. Закончилась эта история совсем не романтично.

Девица пожаловалась отцу, наврала, что парень пристает к ней, не дает проходу, и вообще, он похож на чокнутого маньяка, боится она его. Директор и не подумал разобраться, что на самом деле произошло. Уволил моего тезку, да еще в рекомендательном бланке ему такой дряни понаписал, чтобы ни один работодатель не рискнул взять его в сотрудники. Даже кочегаром в котельную его не приняли. Бедняга совсем впал в депрессию. Одиноким, никому не нужный в целом мире, всеми презираемый калека, он каждый вечер приходил на набережную к Горгульему мосту.

До самой темноты стоял там, на пронизывающем ветру, и думал, броситься прямо сейчас в реку или не брать грех на душу. И каждый раз наставления заведующей приютом, которая была очень набожной, брали верх над стремлением отчаяния свести счеты с жизнью. Снова и снова парень уходил с моста домой, одетый в самое лучшее и дорогое, что удалось купить с первой зарплаты в бюро, покупал в одном и том же ларьке на ничтожно малое пособие оств-

шие пирожки на ужин, потом заходил в аптеку за льготными лекарствами и возвращался в каморку ветхого барака, которую ему выделило государство как жилье для сироты.

Мой тезка так живописно и ярко, в изысканных литературных выражениях, которым позавидовали бы иные маститые романисты, повествовал о своих болезнях, страданиях и злоключениях, что даже меня это душещипательное чтиво пробрало до колючих ощущений на сердце. А между тем я по жизни плевать хотел на всех сирых и убогих. Данная категория населения для меня просто не существовала в природе.

Мы словно находились в совершенно разных мирах, разделенных нерушимой прочной стеной. И вот стена неожиданно рухнула, еще и придавила меня, погребая под собой. Стоило мне осознать, что теперь придется продолжать существование в роли хромого нищего неудачника, и в тот же миг по макушке пробежала очень неприятная щекотка. Наверное, не будь мои роскошные ухоженные волосы, предмет гордости истинного аристократа, по привычке заплетены в тугую косу, они бы встали дыбом, как наэлектризованные.

В надежде очнуться наконец от кошмара мне захотелось хлопнуть себя по лицу этой тетрадкой, раскрытой на предпоследней странице, заляпанной скупыми мужскими слезами покойного тезки. Но я понимал, что хоть лоб разбей о ближайшую стенку, а кошмар не закончится, потому что он теперь стал моей реальностью, от которой не убежать никуда, кроме как на плаху, но туда я ничуть не стремился попасть.

Некоторые плюсы в невероятном стечении обстоятельств я все же сумел найти. Мастер Гессир воспитывался в детском доме, потому для контролирующих служб не было ничего удивительного в том, что старый кукольник решил взять в ученики такого же, как он сам, сироту, беженца из столицы. Легенда для моего прикрытия складывалась просто идеальная. Как я узнал из газетных новостей, приют для больных детей, где рос мой тезка, сгорел во время вражеской воздушной атаки.

Стало быть, документов там не сохранилось. Нянечки заботились о спасении своих подопечных, а не бумаг из архива. Мой покойный тезка оказался тем человеком, которого никто и нигде не станет искать. Ни друзей, ни родственников. Заведующая приютом, с которой он долгое время поддерживал переписку, уже не один год как в могиле. Найденный на набережной труп, скорее всего, был захоронен как неопознанный.

Можно сказать, мне крупно повезло заполучить его документы. Мастер Гессир помог аккуратно поменять в них фотографии, искусно подделал краешки печатей. Но каждый раз при мысли о том, чего я лишился, мне становилось плохо. Я обессиленно ложился на скрипучий диван, ощущая сухость в горле, ком в желудке, гул в ушах, нехватку воздуха и туман в голове. Вывести меня из этого состояния мог лишь командный окрик мастера, повелевающий не залеживаться, а браться за работу, ибо времени осталось мало.

– Учись, пока я жив, бездельник ты этакий, – ворчал старик, не давая мне подолгу пропадать в ностальгических фантазиях.

Мне было страшно представить, на кого через год-другой я стану похож: на рабочего со сталелитейного завода с закопченным красноватым лицом, обветренной кожей и мозолями на руках? Во что превратятся мои лицо, тело и волосы, на уход за которыми я ежегодно тратил целое состояние? Да у меня дома разных косметических средств хранилось, пожалуй, не меньше, чем у светской дамы.

Увлажняющие бесцветные помады для разной погоды, всевозможные крема, солнцезащитные лосьоны, помогающие сохранить аристократическую белизну кожи, пенки для душа и бритья нежнее гагачьего пуха, шампуни и бальзамы, лосьоны и духи. Мне было страшно представить, как теперь обходиться без всего этого. А еще страшнее было думать о том, как не разучиться нормально ходить, если на публике все время приходится симулировать хромоту, а в тесной “норе” кукольника нигде особо не разбежишься для простейших тренировок.

И как при стесненном образе жизни не набрать лишний вес, тоже интересный вопрос без ответа. Простонародная еда на поверку оказалась достаточно сытной и даже иногда вкусной, такой как пироги мадам Клатинды, из которых мне больше всего понравился с мясом и яйцом.

В столице я регулярно посещал спортзал, сжигая там наеденные в дорогих ресторанах излишки, а еще любил совершать пробежки в парке. Я следил за своим телом, оно должно было всегда быть идеальным. Я весь, от модной шляпы до сделанных на заказ лакированных ботинок, был образцом стиля, элегантности и красоты. Вызывал на публике восхищенные и завистливые, а не жалостливые вздохи.

За мое внимание сражались светские прелестницы, не жалея хитростей и пакостей, которые они в избытке строили друг другу. Его высочество кронпринц Гарнельд, единственный наследник престола страны, не пользовался такой популярностью у благородных особ, ибо страшен был как смертный грех. Маленького роста, толстый, нескладный, кривоногий, рано начавший лысеть.

Физиономией он походил на одну из тех лупоглазых комнатных собачек с морщинистыми приплюснутыми мордашками и слюнявыми отвисшими брылями, которых дамы не самой привлекательной наружности везде таскают с собой, чтобы на их фоне самим выглядеть симпатичнее. Даже статус будущей королевы в придачу к такой моське, еще и лающей, простите, что-то разгулялась у меня фантазия, говорящей премерзким сиплым голосом, не мог соблазнить здравомыслящих девиц из высшей аристократии, знающих себе цену и гордящихся заслугами своих древних великих родов.

Моя же семья уже не одно столетие подряд считалась едва ли не богаче королевской. И это еще одна из причин, почему наш правитель был против моего возможного брака с иностранной принцессой. Да и глупый отец Ниневии опасался, что став принцем его страны, я могу спустя несколько лет занять престол, оставив далеко от подступов к трону его сына, если тот вообще до этого времени доживет. О моих коварстве, хитрости и способности мастерски плести сети интриг ходили слухи, правда, не имеющие никаких документальных подтверждений.

И разве я мог легко и смиренно, имея в памяти все эти яркие воспоминания, изо дня в день играть роль сутулого, хромого подмастерья, не забывая подволакивать ногу и опираться на трость, прятать глаза и с ними половину лица под огромными окулярами с нагромождением сменных линз, а волосы убирать под старомодную потрепанную шляпу? Нет, разумеется. Мне каждый шаг поначалу давался с трудом.

Адаптироваться к новой жизни было очень и очень непросто. Выручал мастер Гессир, не заставляя меня часто мелькать на людях, он для начала знакомил с постоянными, надежными клиентами, которым сам доверял. Не подозревая о моей истинной природе, он снабжал меня источниками жизненной силы. Я учился довольствоваться малым и действовать стремительно, неощутимо для выбранной жертвы. Никто не должен был понять, чем чревато приветственное рукопожатие со мной или даже мимолетное дружеское прикосновение.

Чаще других горожан в кукольной лавке гостила сердобольная мадам Кладинда. Пухлая улыбчивая старушка только рада была подкормить несчастного ученика кукольника в моем лице, точнее желудке, ведь именно туда отправлялись принесенные ею ароматные пироги, котлеты, фрикадельки и маленькая сладкая сдоба.

Глава 5. Разведка

Райден

В город я выбирался нечасто. Но все же старый мастер иногда чуть ли не пинками выгонял меня на свежий воздух, который действительно в лучшую сторону отличался от столичного. В Белиствиле самым крупным промышленным предприятием была ткацкая фабрика. Загрязнения природы она давала намного меньше, чем, к примеру, завод резинотехнических изделий, извергающий зловонный черный дым. Личный мобиль считался здесь роскошью. В чистейшем небе редко можно было узреть летящий дирижабль, а пароплан и подавно хорошо если раз в неделю увидишь.

Каждая моя вылазка из “норы” кукольника была подобно марш-броску разведчика в тыл врага на войне. Мне приходилось озира́ться, как чокнутому параноику, проверяя, нет ли за мной погони. Со временем я стал смелее, даже привычная наглость в пока что начальной степени уже давала о себе знать. Ее происками меня занесло темным вечером в квартал увеселительных заведений. Что поделать, мой вполне здоровый организм жуть как истосковался по женской ласке и по искристой энергии раскрепощенных красоток. Светские прелестницы были теперь для меня недоступны. Приходящие за игрушками почтенные матроны, изрядно расплывшиеся вширь или усохшие как палки и на вид годящиеся мне в матери, отпугивали меня, а отнюдь не соблазняли своими нелепыми подмигиваниями и кривыми попытками строить глазки.

Почти без прихрамывания шагая к бару, манящему яркой фривольной вывеской и пикантным названием, я думал, что выбрал меньшее из всех возможных зол. К счастью своему, я вовремя заметил у дверей форменную фуражку с пришитым медным жетоном. Резко притормозил и замер, ссутулившись, опершись обеими руками на рукоять трости.

– Значит, слушай, дорогой, – хозяйка заведения, мадам не первой свежести, с растрепанными, окрашенными в ядовито-рыжий цвет кудрями, смело тронула за плечо склонившегося к ней худошавого полицейского.

Из одежды, если это уродство, казавшееся жалкой пародией на наряды танцовщиц столичного кабаре, можно так назвать, на ней был потертый кожаный корсет и ассиметричная юбка с воланами, сзади ниже колена, а спереди длиной... да там практически не было никакой длины. В дополнение шли кружевные чулки и туфли на высоких каблуках.

– Я слушаю, – сдавленно прошептал полицейский.

Меня они не замечали в свете фонарей и ярких разноцветных вывесок.

– Так вот, – хриплым полупшепотом произнесла хозяйка, – дело интересное. Снова у нас тут приблудился странный тип. Нездешний, сразу видать. На прокисшую брагу налегал, к девчонкам нашим приставал. Уже хотела приказать охране выставить его взашей. Тут он сразу очухался и ночь с Виклемой оплатил. Моя девочка посмотрела на него без тех лохмотьев, в которых он сюда заявился, и чуть не ахнула. Ты представляешь, весь в непонятных татуировках и шрамах. Мы сразу подумали, тут не простой дезертир, а уголовник настоящий. Может, беглый каторжник. Ты заходи, милок, не стесняйся. Виклема его без моей отмашки не отпустит. Он там как горячий жареный цыпленок. Хоть голыми руками вяжи.

– Спасибо тебе, Дринетта, за бдительность. Лови вознаграждение, – полицейский отслонявил из кошелька несколько купюр и сунул их в подвязку чулка на правой ноге женщины.

– Всегда пожалуйста, – усмехнулась хозяйка, сверкнув золотым зубом. – Нам разве сложно помогать своим защитникам? Нас лишь бы проверками не трясли ваши молодчики. Мы тут, считай, все тоже трудимся на благо родной страны. Выявляем шпионов да каторжан. Чего их жалеть и беречь, правда же?

– Правда-правда, – покачал головой полицейский.

Достав из наплечной кобуры импульсный магнетический пистолет и сняв с пояса наручники, он решительно зашагал к дверям.

Нет, решил я для себя, в эти заведения ни ногой. Из них одна дорога – на плаху. И, стараясь прихрамывать естественно, я поспешил обратно к лавке кукольника. Раз тут такие дела творятся, придется привыкать к одиночеству ради спасения жизни.

По пути в свое новое жилище я купил у крикливого разносчика свежий номер вечерней газеты. Жадно пролистав страницы, убедился в том, что нет объявления о моем розыске. Мастер Гессир выписывал почти все главные газеты и журналы страны, и еще несколько местечковых изданий. Каждое утро почтальон приносил ему целый ворох. Но “Желторотым сплетником”, который я приобрел с рук, интеллигентный старик брезговал. Впрочем, теперь даже слухи и домыслы касались по большей части военной темы. На первой полосе красовалась фотография только запущенного в производство нового гигантского танка на гусеничной тяге и паровом ходу. Посмотрев на двухбашенную громадину, рядом с которой солдаты казались букашками, я подумал, что внутри должно быть жарче и душнее, чем в адском котле.

Самопровозглашенные эксперты рассуждали в длинных статьях о возможности нашей скорой победы. Мне их оптимизм не внушал доверия. Я часто бывал в тогда еще официально не враждебном, а партнерском государстве, и достаточно хорошо изучил шотнерские возможности. Их армия была сильнее нашей на момент начала войны, и это очень четко и болезненно почувствовалось в ее первые дни. Уж если их авиация сумела добраться до нашей столицы, есть ли смысл строить оптимистичные прогнозы?

Да, с учетом проведенной мобилизации мужского населения и перевода многих заводов на военные рельсы, наши шансы на победу начали расти. Войска стали понемногу теснить врага. Но, как истинный, а не самоназванный политический эксперт, я не спешил надевать радужные калейдоскопические окуляры и продолжал оценивать наши шансы на победу как чуть выше среднего значения. Расклад был примерно пятьдесят на пятьдесят. Потому о прогнозируемом скорейшем завершении военных действий у меня хватало ума не мечтать. Я понимал, что кровопролитие может затянуться на годы. Удастся ли мне все это время спокойно прожить в провинциальном городишке, если, конечно, враг и сюда не доберется и не сравняет тут все с землей коврами бомбардировками?

Тут я рискнул дать аж семьдесят процентов вероятности. С каждой новой прочитанной газетой во мне крепла надежда на то, что меня сочли погибшим при разрушении здания тюрьмы. Неужели меня никто не ищет? Но ведь я не один сумел сбежать из крыла смертников. Сам видел еще одного мужчину, высокого, худого. Он был без усов, но с угловатой черной бородой. Мне его приметная густая и длинная борода как-то сразу в память врезалась на бегу. Может, и еще кому-то из настоящих преступников удалось так же улизнуть под обстрелами. Я даже предположил, что всех беглецов могут искать тайно, не печатая их физиономии в газетах и на столбовых листовках, дабы не спугнуть. Потому знал, что расслабляться не стоит.

Но как же хотелось пройтись по бульвару быстрой уверенной походкой, гордо выпрямив спину, а не ковылять, подволакивая ногу и согнувшись крючком! За северной окраиной города начинался лес. Я наметил для себя в плане на ближайшие дни добраться туда и сходить на разведку. Надо узнать, много ли там бродит праздного народа. Если в лесу почти никого не бывает, стоит сойти с пешеходной дорожки и удалиться на несколько шагов, как останешься наедине с природой, то имеет смысл облюбовать это замечательное место для тренировок и пробежек.

Попросить мастера Гессира заказать почтой спортивный костюм с дурацкой вязаной шапочкой, под которой удобно прятать волосы, и очки велосипедиста. Буду переодеваться в кустах, прятать “парадную” одежду в дупле и, никем не узнанный, бегать звериными тропами. Опасные хищники близ города не водятся. С каким-нибудь заблудившимся умалишенным я и

сам в одиночку справлюсь, приемы борьбы разных народов не зря изучал еще при стажировке в посольстве.

Я решил взять за правило находить для себя что-то хорошее даже в кажущейся беспрочно мрачной, как затянутое грозовыми тучами небо, ситуации. Прогуливаться в лесу, дыша чистым воздухом, приятно пахнущим хвоей и травой – это приятно и полезно для здоровья. Мастерить волшебные игрушки... Разве я в детстве не мечтал стать артефактором, учиться в магической академии? Пусть с академией не срослось, отец и мать со всей влиятельной родней единогласно выступили против, но кто мешает мне на практике проверить силу природной волшебной искры?

Долгое время она во мне искусно пряталась от придворных провидцев и менталистов, а здесь вдруг проявилась и ярко засияла для магического зрения старого кукольника. Быстро-летная фантазия мне предложила подать знак своей семье, что я жив и со мной все в порядке, прислать племянницам игрушки, хоть они уже взрослые девицы на выданье, узнают с первого взгляда творения рук дядюшки Райдена. Нет, глупая и опасная мечта должна убраться прочь из моей умной головы. Не только мои родные все поймут, агенты спецслужб – тоже сообразят, откуда ветер дует, вернее, откуда и кем прислана посылка, и быстро выйдут на мой след. Нельзя подставляться, рисковать жизнью даже ради тех, кто мне по-прежнему очень дорог.

Я должен оставаться невидимкой, безымянным подмастерьем, на которого никто не станет обращать лишнего внимания, поскольку до столь ничтожного персонажа никому нет дела. У всех найдутся заботы поважней. А для меня самое главное – выжить. Вот моя единственная цель, определяющая все дальнейшие планы на будущее.

Глава 6. Печальное известие

Полтора года спустя... Город Стантерфинс

Лирана

– Мамочка! А папа скоро вернется? – дочка вбежала в раскрытую дверь комнаты, которая до начала войны была кабинетом моего мужа.

Теперь же я заходила туда лишь для того, чтобы воспользоваться фонографом, как сейчас. Большой тяжелый прибор с медными пластинками, проводами и украшающими вставками из ценной красной древесины занимал собой четверть массивного письменного стола с резными ножками. Фонограф чаще всего использовался для междугородних звонков, но мог поддерживать и международное соединение через выход на оператора. Еще он мог печатать документы, выдавать краткие справки. Раз в сутки, строго по вечерам, его маленький экранчик передавал главные новости страны.

Перестав прижимать к уху трубку, слушая опостылевшие монотонные гудки ожидания ответа, я положила ее на стол и обняла дочь, свою маленькую принцессу Миссандею. Посмотрела в ее устремленные на меня ясные голубые глаза и нервно кашлянула, не сумев быстро придумать, что сказать на этот раз. Но и молчать было невозможно. В тот момент мы будто бы остались в мире совсем одни: я и самый дорогой моему сердцу маленький человечек, нуждающийся в защите и утешении. Мы словно плыли в вязком мареве, раздираемом противными звуками гудков.

– Не знаю, милая, – ответила я честно. – Видишь, я тоже жду новостей. Пытаюсь дозвониться генерал – майору, командующему дивизией, где служит папа.

– У Дорис папа вернулся, а нашего все нет, – дочка прижалась горячей щекой к моей руке. – Скажи тому генералу, чтобы отпустил его хотя бы на Новый год.

– Обязательно попрошу его об этом, как только дозвонюсь. Я тоже хочу, чтобы папа встретил праздник вместе с нами у большой нарядной елки. А пока беги, поиграй с котенком миссис Пикстит.

Отправив дочь к соседке, чтобы она не слышала возможный предстоящий тяжелый разговор, я вновь прильнула к фонографу, надеясь все же услышать ответ. Не хотелось думать о худшем, но дурные мысли непрестанно лезли в голову. С каждым новым прожитым днем в неведении о судьбе Натангана моя надежда на то, что муж вернется живым и невредимым, становилась все слабее. Полтора года мы с дочкой прожили как в кошмаре. Радовались каждому полученному с фронта письму, гордились подвигами наших защитников. Но потом удача отвернулась от нашей семьи. Летом я получила извещение о гибели отца, а месяц назад, когда победа была уже совсем близка, узнала о том, что муж считается пропавшим без вести. Натан почти успел дойти до вражеской столицы. Он мог попасть в плен, и я утешала себя этой последней надеждой. Война, унесшая множество жизней, закончилась позорной гибелью короля Шотнерии, которому был предъявлен ультиматум. Не смирившись с поражением, вражеский монарх застрелился на балконе своего дворца, перед собравшейся на площади толпой народа. Сменивший его на троне сын подписал акт о безоговорочной капитуляции.

Обмен пленными проходил по согласованному обеими сторонами расписанию, списки продолжали обновляться. На прошлой неделе вернулся после пребывания в магическом госпитале отец Дорис, подружки моей Мисси. Помню, как моя дочка с любопытством рассматривала его механическую руку. Мужчина говорил, что протез был сделан одним из лучших механиков-артефакторов страны, но, хотя работал он исправно, все же не мог полноценно заменить утраченную в бою конечность. Место его присоединения часто болело, ныло по ночам и беспокоило в плохую погоду. Но я в глубине души уже была согласна и на такой исход. Пусть

Натан вернется с искусственной ногой или вставным глазом, как многие бойцы, только бы нам с Мисси вновь увидеть его живым.

Гудки прекратились, и я положила трубку на место. Придерживаясь за край стола, я медленно встала и пошла на ослабевших от постоянного стресса ногах прочь из кабинета, где каждая мелочь напоминала о горячо любимом супруге. Но тут послышался специфический треск, заставивший меня снова подойти к письменному столу. Фонограф крякнул, как селезень на пруду, и, выплыв хвостик бумажной ленты, начал что-то печатать, скрипя чернильной иглой.

Сердце тревожно подпрыгнуло в груди. Я чувствовала, это не к добру. Официальное извещение вместо живой речи в ответ.

Сквозь заволочшую глаза влажную пелену я с трудом разбираю слова, медленно складывающиеся в строчки. Пробежалась взглядом по той части документа, которая уже была напечатана, и чуть не упала без чувств. Судорожно ухватившись за резной край столешницы, осела на пол мимо стула.

В извещении значилось, что мой муж погиб в городе близ вражеской столицы, подрвался на mine и был похоронен в братской могиле.

Сложив руки на сиденье стула и уткнувшись в них лицом, я долго рыдала, вздрагивая от всхлипов. Намочила обивку старого стула, еще и казенного, относящегося к той части обстановки служебной квартиры, которая не менялась долгие годы со сменой жильцов. Но в тот момент я не думала про заботу о мебели.

В горьких, удушливых воспоминаниях муж являлся мне снова и снова. Еще не так давно мы с ним считали те мгновения самыми прекрасными в нашей жизни. Встреча на балу в доме офицеров, свидание поздним вечером на берегу пруда в городском парке, путешествие в медовый месяц, первый день рождения нашей дочери. О, как он был красив, высок и строен, как удивительно шел ему черный форменный мундир с начищенными до блеска медными пуговицами, его синие глаза напоминали мне сапфиры, а гладко зачесанные короткие волосы цвета воронова крыла так и хотелось слегка взъерошить, запустив в них пальцы. Натанган служил в полиции, он мог на законном основании не идти на фронт, но записался в добровольцы. У меня в груди все ныло, голова раскалывалась, а слезы нескончаемым потоком текли из-под зажмуренных припухших век, когда я вспоминала день нашего прощания. Казалось, он был только вчера...

– Звонила твоя мама. Просила с ней поговорить, – скромно напомнила я, ожидая недобрых возражений в ответ.

Почти на цыпочках подошла со спины к мужу, который, примерив темную, грязно-зеленого цвета военную форму, стоял перед зеркалом на двери платяного шкафа, деловито поправляя воротничок.

– Лира, ты знаешь мой ответ, – Натанган повернулся ко мне. – И она его тоже знает. Нет, я не откажусь от своего решения. Позвонит еще раз, так ей и передай. Я не могу больше слушать их с тетушкой рыдания. Отец хотя бы на моей стороне. Он сразу все понял.

– Твой начальник тоже звонил, – скрывая вздох, я опустила взгляд. – И тоже хотел попытаться тебя переубедить. Сказал, что такие, как ты, нужны для поддержания городского порядка в тяжелые времена.

– Сдается мне, матушка и до него добралась, – по-нервному резко улыбнулся муж, взяв меня за руки и вынудив снова посмотреть ему в глаза. – Без ее вмешательства у нас был совсем другой разговор с начальником. Нет, Лира, и ты меня тоже должна понять. Такие опытные бойцы, как я, сейчас всего нужнее на передовой. Помнишь, я был признан лучшим стрелком нашего округа на прошлогодних соревнованиях. Мое место на фронте, где я буду обучать неопытных резервистов. Генерал-майор Перенелл предложил мне стать снайпером – инструктором. Я согласился без раздумий. Поймите вы все, мои самые родные и близкие люди, я пошел на этот шаг и ради вас тоже. Ради мирного неба над вашими головами.

– Мы все понимаем, но тревожимся за тебя, – тихо произнесла я, чувствуя, как нагреваются от волнения его сильные, такие надежные руки. – Нам страшно. Мы не хотим тебя потерять.

– В этот час, когда само существование нашей страны на карте мира поставлено под угрозу, не говоря уже о свободе и безопасности народа, каждый уважающий себя мужчина должен взять в руки оружие и пойти защищать родную землю от врага. Иначе это не мужчина, а тряпка! Жалкий ничтожный трус, не достойный ни капли уважения! – отстранившись от меня, Натанган презрительно махнул рукой. Выйдя в коридор, он снял с вешалки для верхней одежды тяжелую снайперскую винтовку, которую ему выдали в отделении вместе с военной формой. – Общий сбор добровольцев начнется в десять часов. Мне пора идти. Прощаться не хочу, слышал, это плохая примета. Мисси жалко будить. Просто помни, моя радость, что бы ни случилось, вы с дочкой навсегда останетесь для меня самыми дорогими и любимыми на свете. И я обещаю сделать все возможное, чтобы враг не смог добраться до вас.

С этими словами муж вышел за дверь и тихо притворил ее, чтобы не разбудить нашу малышку. Даже не позволил мне поцеловать его на прощание, хотя бы чмокнуть в щеку. Не знаю, он действительно решил соблюсти народную примету, которая на деле ничем не помогла, или просто не хотел сделать мне еще больнее. Суеверным Натан точно не был, это я под любой присягой могла бы подтвердить. Думаю, он просто не желал, чтобы потом, при худшем исходе, меня мучил тот наш последний поцелуй, изо дня в день всплывая в памяти.

Глава 7. Осознание

Лирана

Наверное, Натан очень не хотел, чтобы я страдала по нему, дни напролет проводила в рыданиях и стенаниях. Мне ведь еще и нельзя забывать о нашей любимой дочурке, которой нужно будет, как-то собравшись с духом, сообщить трагическую весть. Но как бы ни пыталась я успокоиться, хотя бы ради нашего маленького сокровища, у меня пока что никак не получалось совладать с собой.

Приятные яркие впечатления, накопленные за семь лет нашей совместной жизни с Натаном, навалившись тяжелой и темной лавиной, меня терзали и мучили. Я даже не могла сделать полноценный вдох и приподнять голову, чтобы увидеть позолоченные солнечным светом заснеженные ветки деревьев за окном, по которым прыгали розовощекие птицы, не улетающие на зиму в теплые края.

Для меня Натан был самым лучшим мужчиной во всем мире. Самым любящим, заботливым, искренним и бесстрашным. За время войны он не раз доказал свою честь и отвагу. Он дослужился до командира взвода, никогда не отступая на поле боя, демонстрируя мужество, придавая товарищам боевого духа и обладая выдающимися боевыми навыками. Благодаря всему этому, а также доблести, храбрости и смекалке еще в начале войны его подразделению удалось остановить наступление вражеских сил, превосходящих в числе солдат и количестве боевой техники, на город Керриндел, и практически не потерять личный состав. Он был отличным примером для новобранцев, не раз рисковал своей жизнью, спасая боевых товарищей. И в свой последний подвиг он фактически пожертвовал собой, подведя новейшие вражеские танки под мины. В конце переданной через фонограф справки, которую я все же нашла в себе силы прочитать до конца, была едва заметная приписка о том, что генерал-майор Перенелл подал заявку на представление Натангана к высшей государственной награде за все им совершенные подвиги.

Я понимала, это хорошо, если мой муж послужит примером для будущих поколений, его имя войдет в историю. Но было невыносимо больно от осознания того, что никто в целом мире не вернет его мне. Мы больше никогда не сможем посмотреть друг другу в глаза и обняться с любовью и нежностью. Даже по традиции похоронить его не получится на родной земле, в семейной могиле на кладбище. Когда я представила, в каком виде, должно быть, нашли его останки, меня чуть не стошнило. Я захлебнулась схваченным ртом воздухом и долго не могла отдышаться, продолжая ронять колючие слезы.

За собственными всхлипами я не услышала, как дочь пришла в кабинет.

– Папа умер? Да? – удивительно серьезно, по-взрослому спросила Миссандея.

В горле спекся ком, и я не сразу смогла ей ответить. Приподнялась, отлипнув от стула, чтобы прижать дочь к себе.

– Он теперь вместе с дедушкой Торольдом там, где живут ангелы? – Мисси указала пальчиком за окно, на белые кудрявые облака.

– Да, родная, они теперь на небесах, рядом с ангелами, – пересиливая боль на сердце, как можно спокойнее и понятнее проговорила я. – А мы с тобой должны здесь быть сильными. Думаю, папа не хотел бы, чтобы мы только и делали, что горевали и плакали. Теперь нас только двое: ты и я. Ты уже взрослая девочка, скоро тебе исполнится шесть лет. Я надеюсь на тебя. Пообещай мне, что ты будешь слушаться маму и не огорчать.

– Я обещаю быть послушной, – Мисси посмотрела мне в глаза серьезным печальным взглядом, чуть сдвинув брови к переносице. – Но мне будет очень не хватать любимого папочки.

Обняв меня, она тихонько заплакала.

– Нам всем будет очень сильно его не хватать, – вздохнула я, поглаживая прижавшуюся ко мне всхлипывающую дочку по кудрявой голове. – Мы будем скучать по нему. Но нужно крепиться и стараться жить дальше. Скоро нам придется уехать в другой город. Надеюсь, что там ты найдешь новых друзей, и у нас все будет хорошо.

Мне было страшно представить, что ждет нас дальше, но я должна была собраться с духом, перестать раскисать. Сделать наконец над собой решающее усилие ради своей маленькой принцессы. Нельзя биться в рыданиях. Нужно показать спокойствие, насколько это возможно, чтобы помочь дочери, поддержать ее в настолько трудную минуту.

Когда волна воспоминаний о Натане схлынула, на ее место пришел беспокойный поток мыслей о том, что мне предстоит сделать в ближайшие дни. Устроить поминки, пригласить всех родственников и друзей, сослуживцев мужа. Побегать по бюрократическим инстанциям для подачи заявки на получение пособия вдовы военнослужащего, погибшего на фронте. Собрать наши с дочкой вещи, подготовиться к неизбежному переезду.

Служебную квартиру меня попросят освободить в скором времени. В половине маленького домика, разделенного на две семьи: моего отца и его брата, жили мама и младшая сестра с двумя малышами, а еще бабушка с дедушкой по отцу. Оливии повезло, ее муж скоро приедет домой. Я не могла напрашиваться к ним пожить, даже временно, не хотела стеснять и без того большое семейство. Потому наметила для себя и Мисси один-единственный маршрут.

Придется вернуться в квартиру, которая принадлежала ныне покойной бабушке по маме, в маленький городок Белиствиль, где я сама выросла. Дочка пока ни разу там не бывала, а я еще пару лет назад решила для себя, что надо будет однажды устроить для нее прогулку по моим некогда самым любимым местам. Нужно через силу настраиваться на нормальный лад и заново учиться мечтать о хорошем, как тогда, в далеком собственном детстве.

С большим трудом и долгими уговорами мне все же удалось покормить Мисси теплой овсяной кашей с кусочками фруктов и уложить в кровать отдохнуть. Мне больно было смотреть на ее печальное, не по-детски серьезное лицо, но я дала слово: себе и ей, держаться, больше никаких слез.

Ближе к вечеру позвонил генерал-майор Перенелл. Выразил соболезнования, объяснил, куда конкретно и в какие сроки мне следует обратиться для получения пособия. Сказал, что Натангана представили к высшей военной награде посмертно. Сам король подписал указ о присвоении ему звания героя страны за совершенные выдающиеся подвиги. Я не могла сказать, что мне от полученного известия стало хоть немного легче, решение правителя было для меня ожидаемо. Таких героев, как мой возлюбленный супруг, о заслугах которых писали в газетах и говорили в новостях, насчитывались единицы на всю армию королевства. Я даже не сомневалась, что правитель не откажет ему в признании.

Стараясь говорить четко и внятно, я по правилам хорошего тона поблагодарила генерала за ходатайство, пригласила на поминки. Как и ожидала, приехать он отказался. Обещал через день-другой прислать мне приглашение в королевский дворец на церемонию прощания с павшими героями и награждения выживших. Я сразу честно извинилась и сказала, что вряд ли смогу добраться до столицы в ближайшие дни, потому что наметился переезд, а еще мне нужно заботиться о ребенке. Генерал сказал, что все понимает, в конце разговора добавил: “Крепитесь” и положил трубку.

Не прошло и часа, как в дверь позвонили. Я думала, пришла соседка узнать, как мы тут поживаем, все ли с нами в порядке, не нужна ли помощь. Но на лестничной площадке стоял широкоплечий верзила в темно-синей форме пристава. Мне очень не хотелось его впускать, будить крепко спящую дочь. Пыталась ему объяснить ситуацию, уговорить обойтись без осмотра казенного имущества, заверила, что все на месте и будет возвращено в надлежащем виде.

На слово этот болван отказался верить. Заявил, что лично должен составить опись. Разбудил и напугал Мисси, ворвавшись в детскую с громким воплем: “А что у вас тут?” Истоптал грязными сапожищами ковер в гостиной. Заглянул в каждый угол квартиры, сунул в каждую щель свой длинный горбатый нос, и запротоколировал все до мелочей, таких как писчая ручка с гравировкой полицейского управления, где служил муж, и запасной провод для трубки фонографа. Убедившись в том, что ничего из казенного имущества не похищено и не испорчено, он сделал нужную отметку в описи и взял с меня письменное обещание освободить жилплощадь до конца следующей недели.

Захлопнув за ним дверь, я обессиленно прислонилась к ней, вместо веера обмахиваясь листком подписанного приставам документа. Перед глазами все плыло. Нервы просто не выдерживали. Хотелось рухнуть на невыносимо одинокую и холодную постель, обнять подушку и провалиться в забытие хоть на часок-другой. Но я понимала, что должна идти уговаривать и успокаивать ребенка. Из-за остолопа в синей форме Мисси снова расплакалась.

Нужно идти к ней, и еще важно не забыть до позднего вечера позвонить свекрови. Договориться, когда они со свекром смогут приехать сюда, чтобы забрать некоторую мебель и другие свои семейные вещи. В мыслях тут же нарисовался ожидаемый предстоящий спор о том, кому из нас будет удобнее заказать грузовик. Я уже представляла, как свекровь будет настаивать, чтобы я организовала этот переезд. Мол, я тут ближе, а потому мне удобнее найти самую надежную фирму, в которой работают ответственные водители, привыкшие объезжать дорожные ямы, а не скакать по ним на полном ходу, и внимательные грузчики, готовые сдуть пылинки с чужой мебели, а не закидывать ее в кузов как придется. Дескать, отвалилась дверца у шкафа – ничего страшного, главное, что сама основа на части не рассыпалась по дороге. Путь-то был неблизкий и местами ухабистый.

А еще нужно постараться пережить поминки, чтобы потом меня саму на них же поминать не пришлось. Ради дочери нужно все мучения выдержать, со всеми трудностями справиться. На заказ зала в ресторане денег нет, о нем даже можно не мечтать. Придется терпеть сборище знакомых и незнакомых здесь, в служебной квартире, при этом внимательно следить за тем, чтобы никто из гостей ничего казенного не присвоил, не унес к себе домой и не испортил здесь, на месте. Список составлен, перепроверен и запротоколирован. Я тут за все отвечаю если не головой, то деньгами – точно. А с доходами у меня после того, как в начале войны лишилась работы, теперь постоянные проблемы. Выплаты за мужа надо получить, но не стоит на них сильно надеяться. Нам с дочерью еще придется на что-то жить, пока я не найду новую работу в другом городе.

Главное – не падать духом и не унывать. Тогда, может быть, что-то и получится из моей робкой попытки наладить жизнь, в которой рядом со мной больше нет любимого мужчины...

Глава 8. Магическая искра

Лирана

Подготовка к переезду в Белиствиль нам далась, к счастью, намного легче, чем я ожидала, дни напролет накручивая себе нервы, как проволоку на деревянную бобину. Самые большие трудности остались позади. Найм грузовика не понадобился. Все наши с дочерью вещи поместились в большой чемодан и старинный кожаный саквояж.

И вот уже за окошком поезда, бойко постукивающего колесами по рельсам, быстро проплывали заснеженные деревья, озаренные рассветными золотистыми лучами. Завораживающе красивый лес, будто бы обнимающий маленький городок в двух сторон, мне казался бесконечным. Я успела забыть, какой он большой на самом деле. Но еще помнила терпкий запах свежей хвои. В детстве я считала, что в Белиствильском лесу растут самые ароматные пихты и лиственницы во всем мире. Мы с друзьями любили там гулять, летом собирать ягоды, а зимой ходить на лыжах и смотреть на красивых птиц.

Надо будет купить детские лыжи для Мисси, а еще пару-тройку новых игрушек, к Новому году, или даже раньше, чтобы немного отвлечь ее от всех происходящих событий. Во времена моего детства на зимние каникулы в городок приезжал цирк-шапито. Интересно, как сейчас... Дочку нужно занять чем-то интересным, чтобы она поскорее забыла все произошедшее и погрузилась в радость беззаботного детства. Может, ей тогда перестанут сниться эти кошмары.

Меня пробрал озноб при воспоминаниях о том, что мне рассказывала Мисси. Со дня получения скорбного известия моя маленькая принцесса начала видеть очень странные сны. Жуткие и мучительные. Что хуже всего, они повторялись каждый раз, стоило ей только уснуть, и это были не обычные абстрактные детские кошмары, которые я могла бы объяснить последствиями глубокого расстройства. Нет, в том-то и дело, что Мисси в них как будто сама присутствовала на полях сражений. Видела своего отца, как он противостоял врагам и погибал в бою.

Рассказывая мне о ночных видениях, от которых просыпалась с криками ужаса, моя бедная девочка описывала все в точности так, как мне говорил генерал-майор Перенелл. Но она попросту не могла знать всех боевых подробностей, я не рассказывала ей. А из трубки старого фонографа можно что-то услышать, только прижав ее к уху. Даже взрослому человеку, если тот встанет за спиной у слушающего, ничего не удастся разобрать, не говоря о пятилетнем ребенке. И уж конечно, Мисси не могла видеть все эти танки, аэропланы, самоходные гаубицы и снаряды так близко, чтобы о них рассказывать, описывая простыми детскими словами. Я даже новости при ней выключала, когда начинались репортажи о войне.

Интуитивно я понимала, что эти ужасные кошмары из разряда мистических явлений, необъяснимых обычной наукой. Но мне было трудно поверить, что Натан стал бы мучить свою любимую дочь, являясь ей по ночам в жутких видениях о войне. Точнее, я в это вообще поверить не могла. Слишком хорошо знала мужа и чувствовала, как дорога для него Мисси. На проклятие или сглаз, по тем приметам, что я знала из народной молвы, сны дочери тоже не были похожи... И вот снова... Стоило Мисси задремать в пути, и опять ей привиделся точно такой же ужас, вгоняющий в депрессию.

– Мам... – дочь потеребила меня за рукав, глядя полными слез влажными глазами. – Я снова видела папу на войне. Было так страшно... Горела трава... Большой танк разлетелся на кусочки.

– Не волнуйся, милая, – я обняла ее, прижимая к своей груди. – Скоро мы приедем в наш новый дом. Я надеюсь, в маленьком городке нам будет лучше, уютнее, и эти кошмары наконец перестанут мучить мою принцессу.

– Простите, леди, – позади меня раздался грубоватый женский голос, и меня постучали пальцем по плечу. – Не сочтите за наглость... Но не могли бы вы оглянуться?

– Что вам угодно? – недовольно произнесла я, чуть не сквозь зубы, но все же повернулась и глянула через спинку сиденья.

Я уже испугалась, что придется выслушивать претензии, дескать, ребенок в вагоне кому-то мешает. Ожидала услышать предупреждение, чтобы девочка не смела плакать, нарушать общественное спокойствие.

– Не подумайте, что я вас нарочно подслушивала из любопытства, – виновато улыбнулась мне круглолицая плотная дама средних лет. На ней было темно-вишневое пальто и в тон ему круглая фетровая шляпка. В руках она нервно теребила ремешок коричневой сумочки. – Просто мы сидим с вами рядом, и так получилось, что моего слуха достиг ваш разговор с дочерью. Я правильно поняла, что девочке уже не первый день снятся кошмары про войну?

– Да, в них она видит своего отца, моего мужа, погибшего на фронте, – я сразу же пожалела, что обо всем рассказала случайной попутчице.

– Примите мои соболезнования и еще раз извините, что решила влезть со своими советами, – женщина глубоко вздохнула и приняла задумчивый вид. – Просто почти такая же история была с моим племянником Инкольдом. Он был, наверное, всего на год постарше вашей дочери, когда ему начали сниться очень странные сны. Мальчик видел пожары в лесах далекой жаркой страны. Родители не придали этому значения, решили, что всему виной репортажи в новостях. Тогда эти горящие леса были у всех на слуху. Моя сестра с мужем спохватились только когда их сын едва не спалил весь дом. После этого происшествия они отвели его в школу для юных волшебников. Там директриса-менталистка, можно сказать, с порога почувяла, что у ребенка проснулся сильный магический дар. Мой племянник стал учиться в этой школе, и вот в прошлом году ее окончил. Успешно сдал экзамены и поступил в известную магическую академию Сарнопиля. Ждем теперь, когда он выйдет из ее стен квалифицированным пиромантом, магом огня. Может быть, у вашей дочки тоже развивается и крепнет магическая искра.

– Но у нас в роду нет магов... Совсем никого. Поэтому я о таком даже не подумала... Хотя... – я вдруг вспомнила нечто, показавшееся очень важным. – Свекровь на поминках мужа упоминала свою прабабушку. Вроде та была не то природницей, не то травницей, но точно магичкой. Но прошло так много лет. Мне трудно поверить...

– Имейте в виду, леди... Магия может передаваться и через десять поколений. Пробуждение силы часто бывает болезненным и тревожным. Потому очень важно своевременно обратиться к опытным педагогам, если в вашей семье никто не владеет магией и не может стать наставником для девочки, чтобы помочь ее силе развиваться правильно и безопасно. Наверняка вы и сами, без меня, слышали, как много бед и разрушений может принести нестабильная магия. А у вашей дочки явно прослеживается связь с миром мертвых. Из нее или медиум выйдет, или даже некромантка. Представьте, что будет, если она у вас ненароком поднимет целое городское кладбище.

– Мне и так уже страшно становится от всех новостей, – с тяжелым вздохом призналась я.

– А вы не расстраивайтесь, – добродушно улыбнулась дама. – Право слово, не о чем горевать. Толковые некроманты в наше время на вес золота. Я знаю двух братьев, как они намучались. Их отец фермер был просто помешан на дорогих карманных часах. Скупал их почти всю жизнь. Над ним еще смеялись, для кого ты бекон заготавливаешь, если сам не ешь, отощал совсем, высох как щепка. А он в ответ говорил, знамо дело, для часовщика-ювелира. Коллекцию старик собрал поистине бесценную. Но в последние годы маленько тронулся умишком. Начал ему мерещиться, что соседи в дом проберутся, пока он спит, и прикарманят его ненаглядные часики. Сдуру весь свой золотой и бриллиантовый запас он рассовал по стеклянным банкам и зарыл на своих полях. Даже карту не нарисовал, как их найти, побоялся, что достанется она соседям. Перед самой смертью вызвал сыновей к себе, хотел им рассказать, где спрятаны сокровища, да не успел. Пока братья добрались к нему в деревню, он уже помер. Мужики с ног сбились в поисках некроманта, чтобы поднял и допросил их покойного папашу, да так

и не смогли отыскать. Нарвались на мошенника, он и часов зарытых не нашел на огромных пахотных плантациях, и денег умыкнул у них немало.

– Я буду учиться в школе волшебников? – впервые за много дней я услышала настоящую радость в голосе дочери.

– Все может быть, дорогая, – ответила я ей, погладив по плечу, и снова посмотрела на попутчицу. – Но в магические школы принимают детей не младше семи лет, – меня вновь одолели удручающие сомнения. – А Миссандее скоро только шесть исполнится.

– При каждой такой школе есть подготовительные курсы для одаренных детей, и у нас, в Белиствиле, тоже, – просветила меня дама в шляпке. – Да, занятия там платные и стоят недешево, но лучше подкоптить, в чем-то себя ограничить, – незнакомка пробежалась оценивающим взглядом по моей простенькой дорожной одежде, явно не из дорогого ателье или бутика, – чем ждать всяких нехороших явлений. Рано проявившаяся магия даже может свести ребенка с ума, если ее быстро не стабилизировать.

– Да, я все поняла. Благодарю вас за предупреждение, – от переживаний у меня сел голос и стало трудно говорить.

Не хватало нам только проблем, связанных с магией. Придется по приезду в Белиствиль сразу же позаботиться не только о своем трудоустройстве, но и о том, как записать дочь на подготовительные курсы в школу юных волшебников. Интересно, когда у них занятия?

А вдруг мне скажут, что группа укомплектована и нового ребенка не примут? Что делать тогда? Куда нам с Мисси деваться? Если эти кошмарные сновидения и вправду могут привести к потере рассудка, то как мне спасти дочь? О, боже, я бы жизнь за нее отдала, но так нельзя, нас осталось двое в огромном мире, а случись чего со мной, Мисси и вовсе станет круглой сиротой.

Мне нужно беречь себя. Аккуратнее переходить дорогу, не задерживаться дотемна в незнакомых местах. Это называется, мы попытались уехать от проблем и трудностей в тихий уютный городок. Еще нашлось бы нам тут место: мне – работа, а Мисси – подготовительные курсы, помогающие стабилизировать магию.

Не могу поверить, моя дочь – будущая некромантка. Да это просто в голове не укладывается! Мне было страшно представить, как повзрослевшая Мисси разгуливает ночами по кладбищам и говорит с мертвецами. Нет, такого просто не может быть! Это какая-то ошибка, ложное, обманное наваждение!

Глава 9. Мадам Клатинда

Лирана

Зайдя по узкому тротуару в маленький дворик, я почувствовала себя так, словно вернулась в школьные годы. Приятно было видеть, что уцелел разноцветный домик-горка на детской площадке и рядом с ним скрипучие старые качели, поистине сделанные на совесть. Даже было страшно представить, сколько им лет, еще моя бабушка на них качалась, а они выглядели почти как новые, только деревянное сиденье в них менялось время от времени, а основа из прочного металла по-прежнему стояла как влитая.

Мне сразу же захотелось покачать на них дочь, а потом вместе с ней слепить снеговика, но понимала, что все это мы уже не успеем сегодня. Нельзя перетруждать ребенка, еще и измученного непонятной магией. Я должна была как можно быстрее прибраться в пустовавшей много лет двухкомнатной квартире, частично разобрать вещи, накормить дочку и уложить отдыхать. Мисси, можно сказать, висела у меня на руке, начиная клевать носом. У нее уже не было сил с любопытством осматривать новые места.

А я не могла нарадоваться тому, что наш дворик, окруженный невысокими домами в три-пять этажей, все такой же чистый и уютный. На балконах кое-где видны вечнозеленые кустики в горшочках. Но самый красивый балкон, как обычно, у соседки мадам Клатинды. Фигурно подстриженные самшиты, остролисты и пестрые бересклеты с желтыми или бело-зелеными листочками. Невольно залюбовавшись этой вечнозеленой красотой, столь необычной и приятной глазу среди господства белых снегов, я заметила, как хозяйка вышла на балкон.

– Лирана! Ты ли это? Ох... – старушка приложила ладошки к пухлым щекам.

– Да, это я, мадам Клатинда, – помахала ей рукой, поставив чемодан на расчищенную дворником дорожку. – Рада снова вас видеть.

– Погоди-ка, я сейчас к вам спущусь, – присборив подол длинной темно-коричневой юбки, соседка поспешила во двор.

Накинув дубленый полушубок, она очень шустро для ее солидного возраста спустилась с третьего этажа и подбежала к нам.

– А уж я как рада тебя видеть, дорогая девочка, – смеясь от счастья, мадам Клатинда обняла меня и прямо-таки выхватила из руки тяжелый саквояж. – Помню тебя совсем крохой. А дочурка у тебя какая красавица! Очень похожа на свою маму в детстве. Ну прямо одно лицо! До чего я рада прибавлению в замечательном семействе! Как тебя зовут, милое дитя?

– Миссандея, – сделав серьезное лицо, выразительно ответила дочь. – И мне скоро исполнится шесть лет.

– Чудесное имя, – улыбнулась мадам Клатинда. – И ты уже совсем большая девочка. Надеюсь, слушаешься маму?

– Конечно, – ярко и радостно заявило мое чадо.

– Ну и хорошо. Значит, на Новый год получишь много подарков за примерное поведение. А меня можешь звать мадам Клатинда. Меня уже давненько все так зовут... с первой седины в волосах. Пойдем, я вас провожу, – соседка открыла дверь подъезда и пригласила нас. – Я живу от вас за стенкой, и все эти годы присматривала за вашей квартирой, чтобы никакие жулики не попытались залезть. У меня даже ключ запасной имеется. Помнишь, Лирана, твоя мама его мне оставила на всякий случай. Вы к нам надолго? Или просто приехали погостить на зимние праздники?

– Можно сказать, я решила вернуться на малую родину, – ответила я с каким-то скребущим по сердцу стеснением.

– Ох, если бы мне заранее позвонили, я бы навела там порядок, – забормотала себе под нос соседка, поднимаясь по лестнице впереди нас. – А так, глядь, все в пыли да паутине. Ну

ничего, вместе придеремся. Устали, небось, с дороги, мои бедненькие. Надо мне вас угостить моими фирменными пирогами с лесной ягодой.

Мне было стыдно признаться мадам Клатинде, что я где-то посеяла ее номер, и потому не могла предупредить о приезде. А еще я чувствовала себя неловко от того, с какой душевной теплотой нас встретила эта пожилая женщина, как свою близкую родню. Даже предложила прибраться в квартире. По-хорошему, ее надо бы отблагодарить, порадовать ценным подарком. Но денег и так в обрез, а тут еще эти дорогостоящие курсы для юных волшебников на горизонте маячат. И без них, получается, нельзя обойтись. Если верить загадочной попутчице, а какой ей смысл меня обманывать, тут стоит вопрос жизни и смерти.

Стоило мне вспомнить тот разговор в поезде, и в голову снова полезли всякие ужасы о последствиях неуправляемой детской магии. Задумавшись, я споткнулась и чуть не упала. Хорошо, успела схватиться за перила, иначе бы могла и сама ссыпаться вниз, и дочь за собой утянуть. А ведь всего пару часов назад настраивала себя быть осторожнее и аккуратнее ради ребенка.

– Заходите и почувствуйте себя как дома, ведь теперь это и будет ваш дом, – соседка открыла дверь квартиры своим ключом и зашла первой. – Паутины не видать, а я на зрение пока, тьфу-тьфу, не жалуюсь. С пылью мы вместе разберемся, у нас есть замечательная маленькая помощница. Миссандея, ты не будешь отлынивать?

Дочь покачала головой.

– Ну вот и славно. Вижу, мама тебя хорошо воспитала, – распахнув пыльные темно-синие шторы во взрослой спальне, мадам Клатинда зажала нос, чтобы не чихнуть. – Мебель тут надо бы переставить, чтобы лучше прибраться. Особенно комод и пианино. Но это уж когда сюда приедет ваш папа, твой муж, Лира. Здесь мужская сила нужна.

– Папа не приедет. Он погиб на фронте, – сказала Мисси.

Этот ответ стал для нее таким же привычным, как на вопрос об имени и возрасте.

– Ах, как жаль, – всплеснула руками мадам Клатинда. – Вот и у меня такая же беда постигла двух зятьев и внучатого племянника. Попробую уговорить старого ворчуна Пинкирта с первого этажа. Может, он поможет нам отодвинуть комод и пианино.

Тем временем я заглянула в детскую и увидела деревянную низкую кроватку, на которой сама спала до средних классов школы. Она регулировалась по длине, в зависимости от роста ребенка. Я сняла пыльное покрывало, свернула и положила на стул. Двигая рычажок, настроила кроватку для Мисси и вышла в коридор, чтобы найти в чемодане чистое постельное белье. Неожиданно меня посетила мысль, которую я сразу же решила озвучить, пока не вылетела из головы.

– Мадам Клатинда, у вас есть городской справочник? – я, немного нервничая, стиснула руки и попыталась не показывать своего волнения.

– Да, я могу принести, – соседка ушла на кухню, чтобы намочить тряпку для вытирания пыли с мебели. – Это срочно?! – прокричала она, заглушая шум льющейся из крана воды. – Или тебя что-то конкретное интересует? Может, я так подскажу, без книжки!

– Вряд ли вы такое помните наизусть, – усомнилась я. – Речь идет о бирже труда. Мне нужно туда обратиться, а для этого я должна узнать, в какие дни и часы она работает.

– О, это я как раз-таки помню, – отжав тряпку, соседка вернулась с кухни. – Сегодня приемный день. Единственный в месяц. У нас городок маленький, вакансии открываются редко. Но поторопись, Лира, там принимают ровно до шести вечера, а очереди всегда большие. Придется тебе не мешкать, а спешить туда прямо сейчас. Тут недалеко. Две остановки проехать на трамвае. Помнишь, где конечная станция? Ладно, я все равно тебе в подробностях объясню. Ты, главное, поспеши. За девочкой я присмотрю. Возьму ее к себе домой, там хотя бы чисто и нет этой ужасной пыли. А здесь пока отрою форточки, пусть проветривается.

– Мадам Клатинда, я, честно, не знаю, как вас отблагодарить за вашу доброту, – сказала я, выслушав, как добаться до нового административного здания.

– Мне это вовсе не трудно, я привыкла с внуками сидеть, – соседка взмахнула влажной тряпкой. – То одна, то другая, то третья дочь их привозят на выходные. Сын с женой тоже не отстают от них. Порой все разом приезжают. А бывает, целый месяц никого. Сейчас как раз такое время, до новогодних каникул полное затишье. Так что я рада помочь.

– Спасибо вам огромное, – я собралась на выход.

Достав из ридикюля маленькую кожаную сумочку с самыми важными документами, встала перед зеркалом в прихожей, расправила сбившийся на груди комком шарф и освежила помаду.

– Миссандея, пойдешь ко мне в гости? – соседка взяла мою дочь за руку, приветливо улыбаясь ей. – Вместе подождем твою маму. Ей надо съездить в одну контору по важному делу.

– А у вас есть котенок, с которым я могу поиграть? – Мисси вспомнила нашу прежнюю старенькую соседку и ее пушистого питомца.

– Интересный вопрос, – интригуяще улыбнулась мадам Клатинда. – Дай-ка подумать... Маленького котенка у меня, пожалуй, не найдется. Зато есть большой и толстый рыжий кот! Я его зову Мистер Широкая Кость. Он страсть какой ленивый, целыми днями лежит на диване или в кресле. Но, может, тебе удастся его расшевелить, и его котейшество изволит побегать за бантиком на веревочке.

– Пойдем, – согласилась Мисси.

– Слушайся мадам Клатинду и ничего не бери без спроса, – напомнила я дочери.

– Я угощу тебя вкусными пирогами, – пообещала соседка.

– А конфеты у вас есть? – оживилась Мисси. – Я люблю шоколадные и фруктовые леденцы.

– Будут тебе конфеты, маленькая шантажистка, – усмехнулась мадам Клатинда.

Я могла уйти со спокойной душой, понимая, что оставила ребенка в надежных руках. Прежде чем переступить порог, окинула взглядом прихожую и видимую часть спальни. Обои в некоторых местах отошли от стен, но это мелочь. Для начала можно подклеить, а со временем, по возможности, поменять.

Стильные маленькие часики, подарок мужа на третью годовщину свадьбы, показывали половину четвертого. Времени действительно у меня осталось мало в запасе. Чтобы успеть на биржу труда, мне следовало поспешить к конечной остановке парового трамвая.

Так я и сделала. Идя быстрым шагом по обледеневшему тротуару, старалась наступать на самый край, где лежал снег и было не настолько скользко. На старой аллее росли разлапистые дикие яблони, высоко на голых ветках, припорошенных снегом, я заметила сморщенные подмороженные яблоки.

Мне хотелось погулять здесь с дочерью ясным солнечным днем, без спешки пройтись по аллее до самого пруда, на котором к Новому году по традиции открывают каток. Но пока мне было не до того, пришлось свернуть на узкую дорожку, ведущую к остановке трамвая. Я уже слышала его грохот, еще не видя за сплетением убранных снегом ветвей.

Глава 10. Мэр

Лирана

На первом этаже длинного прямоугольного здания толпился народ. Казалось, всеобщее раздражение висело в душном воздухе, в борьбе за место в очереди чуть не доходило до драки. Кто-то отошел к другому окну и потерял свое место, а кто-то пытался по-наглому пролезть вперед остальных. Не с первой попытки мне удалось понять, какая из очередей состоит из соискателей вакансий для трудоустройства. Самая свирепая публика подобралась из желающих оформить нотариально заверенное наследство или долю при расторжении брака.

От людского гвалта и стука пишущих машинок у меня быстро разболелась голова. Я старалась не забыть про получение пособия за мужа, хотя надежда на то, что все успею в один день, очень быстро сошла на нет. Не представляю, каким чудом я вообще успела до шести вечера добраться до заветного окошка.

– Сразу предупреждаю, педагогических вакансий нет и ждать их не советую, – раскрыв мою трудовую книжку, раздраженно пробубнила хмурая девушка-машинистка. – А вы, тем более, учительница музыки. У нас на весь город пять школ, включая магическую, куда вас точно не возьмут без документально подтвержденного дара и диплома об окончании академии магии. Не в каждой есть музыкальный класс. И я вам так скажу, учителя у нас работают буквально до своего последнего дня. На пенсию отказываются выходить. Вот, к примеру, в школе, куда ходит мой сын, математичке уже за девяносто. Знаете, она так и говорит: “Я ни за что на свете не уступлю место какой-то бестолковой юной пигалице. У меня в голове целая кладезь знаний, а у той ветер. На уме всякие платица да финтифлюшки. Чему она может научить детей, какой им подаст пример? Пусть меня вперед ногами вынесут из класса напрямиком на кладбище, но по собственному желанию я не уволюсь”.

– Тяжелый случай, – и до меня добралось всеобщее недовольство.

Допустила мысль о том, что лишь бы устроиться уборщицей, только бы не сидеть, считай, без денег на мизерные пособия. Но и этот едва расправивший хрупкие листочки росток надежды на получение самой грязной работы хмурая девушка тут же убила на корню.

– Я бы рада вам помочь, – искренне сказала она, глядя на меня через мутное стекло покрасневшими усталыми глазами, – но, как назло, самую хорошую вакансию прямо перед вами девушка забрала. Только сегодня утром освободилось место упаковщицы печенья и пряников на хлебозаводе, и вот уже снова все занято. Ничего лучшего нет. С подходящими для женщин вакансиями просто беда. Это мужской работы после войны завалились, а желающих на нее пойти, увы, не хватает. Будь вы закаленной деревенской бабенкой с кулачищами шириной в два моих, не меньше, я бы вам предложила пойти крановщицей на стройку. Но вы при всем желании не потянете такую нагрузку. Просто не сможете управлять мощными подъемными механизмами. У вас не хватит сил даже сдвинуть один самый маленький рычаг. О нашей знаменитой на всю страну ткацкой фабрике и не менее известном инженерно-техническом университете вам не советую даже мечтать. Пустое это занятие. Там все вакансии расходятся по друзьям и родственникам, до нас не добираются. Сами видите, город у нас небольшой, люди за свои рабочие места держатся. Приходите через месяц. Обещать не могу, но вдруг появится хотя бы временное место, кто-то уйдет в декрет. Пока что вам предложить ровным счетом нечего.

По вежливой привычке поблагодарив машинистку, я с тяжелым сердцем собралась идти домой, и вдруг меня как дернуло. Понимая, что не успею, все же спросила девушку, в какое окно мне обращаться по поводу получения пособия за погибшего на фронте мужа, признанного героем страны. Она все объяснила, назвала приемные дни.

К тому моменту пробило шесть часов, рабочий день закончился и раздраженная толпа быстро рассосалась. Попроцавшись с машинисткой, я собрала документы в сумочку, прове-

рила, ничего не забыла ли, и развернулась к выходу. Но вместо больших застекленных дверей мой взгляд наткнулся на стоящего рядом мужчину. Средних лет, невысокого роста, довольно тучный, одетый в полосатый костюм-тройку, он сумел незаметно подойти, и не знаю, сколько времени стоял у меня за спиной, подслушивая или примеряясь украсть кошелек из сумки.

А так посмотреть, совсем не похож на уличного воришку. Костюм дорогой на вид, модный бордовый галстук, шляпа-котелок и карманные часы с маркировкой королевского ювелирного завода, приколотые на цепочке к жилету. Правда, муж еще когда служил в полиции, рассказывал, что некоторые особо хитрые воры стараются одеваться и вести себя как можно представительнее, чтобы усыпить бдительность жертвы.

– Простите, леди, если я вас по нечаянности смутил или даже маленько напугал, – галантно приподняв шляпу, извинился незнакомец. – Граф Бильгарт Халтфром, избранный народом управитель сего прекрасного городка, к вашим услугам. Старое здание мэрии недавно снесли, причем я лично подписал это распоряжение, ветхая постройка незапамятных годов портила вид центральной площади. На том месте почти закончено строительство настоящего дворца с большим концертным залом. Скоро произойдет его торжественное открытие. Новое здание мэрии идет следующим на очереди по градостроительному плану. Но пока его возведение далеко от завершения, мне приходится, как и многим чиновникам государственного аппарата, ютиться здесь, в тесном кабинете на четвертом этаже. Я спускался с лестницы, торопясь домой, и по чистой случайности, или по высшему произволению, краем уха услышал о ваших трудностях. Считаю своим долгом оказать посильную помощь вдове прославленного героя, чьи подвиги будут увековечены в учебниках истории. Поистине для меня большая честь то, что вы приняли решение поселиться у нас в Белиствиле.

– Приятно с вами познакомиться, мистер Бильгарт, – улыбаясь, я подала ему руку, и мужчина, взяв мою кисть на ладонь, коснулся костяшек пальцев теплыми губами, чуть щекоча тонкими черными усиками. – Я родилась в этом городе и, можно сказать, вернулась домой.

– Если окажете мне такую любезность и согласитесь пройти ко мне в кабинет, я вам представлю все возможные варианты насчет работы по специальности. Надеюсь, один из них вас точно устроит, – мэр плавным жестом пригласил следовать за собой.

У меня промелькнуло сомнение насчет того, насколько приличным выглядит это странное приглашение со стороны мужчины и что оно может за собой таить, но я решила рискнуть и подняться на четвертый этаж в кабинет градоначальника. Вряд ли столь солидный господин позволит себе непристойные действия в отношении незнакомки. Ничуть не сомневаюсь, что мэр дорожит своей публичной репутацией и у него имеется толпа молоденьких тайных любовниц для постельных утех.

– Только после вас, присаживайтесь, – войдя в кабинет, Бильгарт демонстративно замер возле широкого и массивного, обитого черной кожей кресла и указал мне на один из деревянных стульев с высокой резной спинкой, предназначенных для посетителей.

На рабочем столе градоначальника, сделанном из редкой заморской розовой вишни, среди папок с документами стояли подарочные наборы перьевых и шариковых ручек с малахитовыми подставками и мерно покачивался золотой сувенирный гироскоп.

Как только я присела, расправив юбку, мужчина опустил в кресло. Было заметно, что Бильгарт старался сделать это плавно и без скрипа. Но коротенькие ножки под его весом в самый ответственный момент слишком сильно прогнулись в коленях, и как бы ему ни хотелось, избежать маленького конфуза не вышло. Мэр плюхнулся, пыхтя от натуги. Кресло под ним предательски заскрипело, да еще так громко и пронзительно, что слышно было, пожалуй, во всех соседних кабинетах, которые, впрочем, уже опустели. Все сотрудники разошлись по домам с окончанием рабочего дня.

– Значит, вас зовут Лирана, – придвинувшись чуть ближе к столу, мэр достал из ящичка собранные под тонкую резинку визитные карточки и стал их перебирать пухлыми пальцами в

поисках нужной. – Лира... Ничуть не сомневаюсь, что леди с прекрасным музыкальным именем обладает настоящим талантом. Так на каких инструментах вы играете для своих учеников?

Отвлечись от визиток, Бильгарт внимательно посмотрел мне в глаза.

– На фортепиано и скрипке, – вполголоса ответила я, немного смутившись под пристальным взглядом мужчины.

– О, это прекрасные, истинно благородные инструменты, – восхитился мэр и продолжил свой поиск. – Мой хороший знакомый, владелец ресторана “Золотая шестерня” тоже увлекается игрой на скрипке, но постоянно жалуется на свой недостаточно тонкий слух. Сам он стесняется выступать на публике, но обожает, когда предметы его гордости по-настоящему оживают в умелых руках талантливых музыкантов. Скажу по секрету, в его коллекции присутствует уникальная скрипка работы всемирно известного гения Федерари. Ей триста лет, а как чудесно звучит... Не сравнить с новинками фабричного производства.

– Вашему другу посчастливилось обладать настоящим бесценным сокровищем, – я старалась побороть неуютное ощущение и поддерживать беседу.

– Не буду далеко уезжать от темы нашей беседы. Я что хотел вам предложить... – Бильгарт протянул мне найденную визитку. – Позвоните Акрибальду, скажите, что по моей рекомендации. Знаю, он хорошо платит музыкантам за выступления в его ресторане.

– Огромное вам спасибо, – я взяла глянцевую карточку, в уголке которой блестела золотая шестеренка.

– Если вы вдобавок к музыкальному слуху обладаете приятным голосом, то считайте, постоянная работа в ресторане вам обеспечена. Поверьте, от вас не требуется талант оперной дивы или солистки варьете. Достаточно всего лишь петь так, чтобы привлекать, а не отпугивать народ. Вспоминается мне, был в “Золотой шестерне” на испытательном сроке один певец... От его оглушительных завываний даже шальные весенние коты умолкали и в страхе разбежались прочь.

– Надеюсь, что звучание моего голоса понравится и людям, и животным. Не припомню, чтобы от моего пения на занятиях с детьми разбежались кошки со школьного двора.

– А еще вы можете дать объявление в городскую газету, предложить услуги репетитора, – мэр довольно улыбнулся и окинул меня непонятым взглядом. – Сами понимаете, не только дети, но порой и взрослые хотят учиться музицированию.

– Да, вы правы, я так и поступлю, – не стала я противоречить.

– Видите, Лира, как чудесно сложилась наша встреча, – пуше прежнего распустил свой хвост мужчина.

– Не передать словами, как я вам благодарна, мистер Бильгарт, – попыталась не выказывать своего чаяния. – Похоже, что у моего ребенка пробуждается магическая сила. Нам посоветовали записаться на подготовительные курсы при школе юных волшебников, а они платные. Так что заработок лишним не будет.

– Очень правильный и нужный совет вам дали, – одобрил мэр. – Возьмите номер директора школы, – он вытащил из связки еще одну визитку. – Будете договариваться с ней о встрече, тоже не забудьте про меня напомнить. На курсы она вашего ребенка запишет, не волнуйтесь.

– Вы наш с дочкой спаситель, – вместо радостного облегчения на сердце, с каждой минутой я чувствовала себя все неуютнее рядом с ним.

Еще бы, оказалась в неоплатном долгу перед мэром. Как теперь разрулить возникшую весьма затруднительную ситуацию?

– Это с какой стороны посмотреть, – таинственно заулыбался Бильгарт. – Может быть, ваша магически одаренная дочь спасла нашу школу для юных волшебников от закрытия в следующем году. Министерство магии направило нам предписание, что если будет снова недобор учеников, то школу придется закрыть. А она у нас, к слову сказать, одна из лучших во всем королевстве. Представляете, какая была бы обидная потеря.

– Да, это правда было бы прискорбно, – разговор все больше мне не нравился.

– Но что поделать, молодежь уезжает из нашего маленького городка в поисках лучшей доли и заманчивого большого заработка. Детей, а особенно наделенных магическим даром, с каждым годом здесь рождается все меньше и меньше. Как только можем, мы стараемся исправить положение. Заботимся о благоустройстве, открытии новых предприятий для рабочих мест, поддержке предпринимательства. Новые жители, как вы, укрепляют нашу надежду на то, что все старания не напрасны и у города есть шанс вернуть былую славу.

– Будем верить в лучшее, – я взялась за ремешок сумочки, намекая на то, что разговор затянулся, а мне надо спешить домой к ребенку.

– Пора по домам, – опасаясь душераздирающего скрипа, Бильгарт медленно поднялся из кресла, придерживаясь за столешницу. – Впрочем, с тех пор как от меня ушла жена, спешить в пустое неуютное жилище не особо хочется. Проще на работе засидеться допоздна за бумажной волокитой, все чувствуется какое-то течение жизни.

Распознав неприкрытый намек, я почувствовала себя еще более неловко, хотя, казалось бы, куда еще дальше смущаться и не знать, как выкрутиться. Признаться честно, я была абсолютно не готова к ухаживаниям и знакам внимания со стороны мужчины... Которому я еще и буду обязана, если меня возьмет на подработку хозяйин ресторана и все удачно сложится с курсами для дочери. Но и отказываться от помощи я не могла себе позволить. Не та жизненная ситуация, когда можно с гордостью сказать, я справлюсь сама.

Что же мне делать? Я точно не смогу ответить взаимностью этому, быть может, очень даже неплохому по характеру и вполне порядочному джентльмену. Просто потому что еще свежа память о любимом супруге. Не могу представить рядом с собой никакого другого мужчину, кроме Натана, хоть и понимаю, что его больше нет на этом свете.

Мы с Бильгартом вместе спустились и вышли из опустевшего здания, где уже был выключен свет.

– Вы далеко живете? Могу вас подвести, – мэр указал на подъехавший почти к самой лестнице красивый дорогой мобиль, украшенный тонкими вставками из нержавеющей сплава золотисто-медного цвета.

Из машины вышел молодой водитель. Он перешел на правую сторону мобиля и замер в ожидании, пока не зная, какую дверцу открывать: заднюю для дамы или переднюю для своего начальника.

– Не хочу вас стеснять, – отступила я, изящно кивнув с намеком на уважительный поклон. – Тут совсем близко, две остановки на трамвае и буквально пять шагов пешком.

– Как вам удобно, – мужчина с видимым спокойствием принял мой отказ. – Не забудьте по итогу всех встреч мне позвонить и сообщить, все ли в порядке, – попросил он, садясь в мобиль. – Буду за вас переживать. Все же первое время на новом месте бывает трудно освоиться. Сам проходил через это, когда меня пятнадцать лет назад сюда командировали из Сарнопиля.

– Непременно позвоню, – я была вынуждена дать обещание, другой ответ противоречил бы правилам этикета.

Можно сказать, мэру все же удалось поймать меня на крючок. Наверное, он думает, что я полностью в его власти. И как мне теперь доказать ему обратное? Вообще невозможно представить.

Машина уехала, и я пошла к остановке. Сердце колотилось как сумасшедшее, в ушах стоял шум не только от грохота трамвая, проезжающего мимо в противоположную нужной мне сторону. Голова прямо-таки гудела от мыслей. Все во мне будто бы кипело и бунтовало, требуя свободы и независимости, побуждая соскочить с крючка и навсегда забыть о тяготящей душу встрече. Но я понимала, что все эти требования пока что невыполнимы, и от того мне

становилось еще тоскливей и тревожней. Что же нас дальше ждет? Какие еще сюрпризы нам с дочерью преподнесет городок моего детства?

Глава 11. Кукла Эми

Лирана

Прошла неделя с нашего переезда. Жизнь на новом месте понемногу начала налаживаться. Мадам Клатинда меня очень выручала, не знаю, что бы я делала без ее помощи. Я договорилась с ней об оплате присмотра за ребенком. На услуги профессиональной няни из агентства у меня точно бы не хватило средств, еще и эти подготовительные курсы. Все деньги с полученного пособия за погибшего на фронте мужа пришлось отложить на их оплату.

Директор ресторана “Золотая шестерня” принял меня на работу после короткого прослушивания. Я была очень благодарна мэру за рекомендацию. Его давний приятель оказался веселым доброжелательным человеком, уже далеким от молодости, но еще сохранившим юношеский задор.

По так называемым вечерам юмора он выходил на сцену и развлекал публику придуманными им самим уморительно смешными шутками. За мной же закрепилось участие в маленьком оркестре и сольные выступления. Изредка приходилось петь дуэтом с высоким седовласым певцом...

Нет, вовсе не тем анекдотическим персонажем, от воя которого в страхе разбежались коты. Мистер Грендор был, можно и так сказать, оперным тенором в отставке. Он ушел из столичного театра на войну, а теперь уже не годился для большой сцены и вернулся в родной город. Голос у него немного охрип после осколочного ранения в шею, но чувствовался талант и подкупали галантные манеры светского льва. Выступать с ним дуэтом для меня всегда было истинным удовольствием.

Повидаться с мэром, чтобы поблагодарить за помощь в трудоустройстве, и встретиться с директрисой школы волшебников для записи дочери на подготовительные курсы у меня пока не получилось. Оба укатили на столичное собрание глав муниципалитетов и руководителей государственных организаций. И если слова благодарности можно было в крайнем случае передать посредством фонографа, то встреча с известной менталисткой должна была состояться воочию.

Больше всего меня огорчало то, что кошмары Мисси не прекращались. Каждую ночь моя бедная девочка оказывалась на поле боя рядом со своим отцом. Она видела взрывы снарядов, окровавленные тела убитых солдат, слышала крики раненых. Такие испытания выдержит психика не каждого взрослого человека, что говорить о пятилетнем ребенке.

А я ничем не могла ей помочь, и от этого сердце просто рвалось на части. Легче было бы самой пережить эти жуткие сновидения, чем думать о том, какие мучения терпит моя любимая малышка. Но, как назло, мне ничего не снилось в редкие часы забвения на диване возле детской кровати, или являлась какая-то ерунда, а Мисси просыпалась с криками ужаса, и снова я кидалась к ней, чтобы обнять и постараться успокоить.

Днем мы ходили на прогулки. Я показывала дочери самые живописные места в городе. Все вокруг было сказочно красивым. Рассыпчатый снег под солнечным светом переливался бриллиантовым блеском. Но мою принцессу ничто не радовало: ни карусели, ни комнаты смеха, ни поездка в санях, запряженных резвой толстенькой лошадкой. Мисси часто замирала, глядя в одну точку и, наверное, снова просматривая трагические сцены войны.

Не удавалось мне полностью ее отвлечь хотя бы на день, пока не пришло время бедной малышке получать новую порцию этого ментального яда, вызванного то ли всплесками рано проснувшейся родовой магии, то ли, действительно, я даже такую версию допускала, неизвестно чьими злыми происками. Наверное, если бы не память о предостережениях мужа, я бы уже готова была обратиться к любой уличной гадалке за помощью, но знала, что помощи от нее вряд ли дождешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.